

О терроре и терроризме

*Что меня поражает в этом мире — это бессилие силы;
из двух могучих факторов — силы и ума —
сила в конце концов всегда оказывается побежденной.*

Наполеон I

Сила, лишённая разума, гибнет сама собой.

Гораций

Введение

Слова «террор», «терроризм» известны с древности. Но особо широкое распространение они получили в России и во всем мире во второй половине XX века, когда терроризм стал почти повсеместным явлением. С 1970 по июль 1995 года в мире было совершено около 65 тысяч террористических актов. Ныне они происходят на всех континентах — в Африке, Азии, Северной Америке, на территории бывшего СССР, но особенно часто в Латинской Америке, на Ближнем Востоке и в Западной Европе^[1]. Темпы роста количества терактов с каждым годом увеличиваются. В мире действуют сотни террористических группировок, некоторые из них приобрели поистине всеобщую известность: Ирландская республиканская армия (ИРА), движение басков в Испании (ЕТА), Армия освобождения Косово, «Аум Синрике» в Японии, палестинская «ХАМАС» («Движение исламского сопротивления»), «Эль-Джи-хад», ливанская «Хизб Аллах», «Джаб-хай ал-инхал ал-исла ми» («Фронт исламского спасения») в Алжире, «Тамильские тигры» в Шри-Ланке и ряд других.

Во второй половине XX века появилось еще одно выражение — «международный терроризм», которое не сходит со страниц газет, журналов и другого рода печатных изданий. Страшные теракты последних лет во многих странах мира, в том числе в Москве и других городах России, война в Чечне сделали этот термин самым популярным и часто употребляемым не только в устах политиков, ученых и журналистов, но и простых граждан.

Атака террористов на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и здание Пентагона в Вашингтоне 11 сентября 2001 года — это самый масштабный и кровавый террористический акт за всю историю человечества. Он вызвал ужас в Америке и во всем мире. Это страшное и трагическое событие стало своего рода кульминационным пунктом в окончательном формировании международного терроризма как еще одного социального феномена XX века и признании его в качестве одного из главных мировых зол. Весь мир узнал название еще одной террористической организации «Аль-Каида» (в переводе с арабского — «база»), имеющей отделения в 55 странах мира, и имя «террориста № 1», как полагают США, Усамы бен Ладена — он же Усама бен

Мухаммад бен Авад бен Ладен, он же Шейх Усама бен Ладен, он же Абу Абдулла, он же Моджахед Шейх, он же Хадж, он же Абдул Хай, он же аль Кака, он же Директор, он же Надзирающий, он же Эмир, он же Принц, он же Подрядчик, родившийся в Саудовской Аравии в 1957 году.

Мир сознает «международный терроризм» как одно из главных зол современности, как один из острейших глобальных вызовов человечеству в XXI веке, но что такое терроризм «международный» — не знает. Общепринятого понятия и определения «международный терроризм» не существует. В этом признаются ученые и политики. В 1990 году VIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушениями (Гавана, 1990 г.) в специальной резолюции вновь указал, что «... пока не удалось достигнуть согласия в отношении понятия термина «международный терроризм»^[2]. Выступая на пресс-конференции 21 октября 2001 года в Шанхае, где собирались лидеры всех ведущих стран мира, Президент России В.Путин сказал: «Проблема в том, что мы не можем точно сказать, что такое международный терроризм»..

Но если это так, то с кем, точнее сказать, с чем борются сегодня США, объявившие «долгую, новую и трудную» (Д.Буш) войну международному терроризму? Ведь «международный терроризм» — это не нация, не государство, у него нет четко очерченных границ. Тем более борьбу с ним нельзя свести к поимке какого-либо «террориста № 1». Вчера это был Карлос, сегодня бен Ладен, завтра будет кто-то другой. Борьба должна вестись не только и не столько против отдельных террористов и террористических группировок, сколько против терроризма как явления в целом и отдельных процессов, составляющих это явление; не только и не столько против следствий, а, прежде всего, против причин, которые эти следствия порождают. В противном случае эта борьба никогда не будет эффективной, вести ее придется бесконечно.

Почему мы не знаем, «что такое международный терроризм»?

Прежде всего, потому что «терроризм», тем более международный — явление весьма сложное.

Многообразны причины, формы и методы терроризма, он имеет различные цели.

Терроризм — явление комплексное, потому исследуется наукой в философском, историческом, политическом, правовом, психологическом аспектах. Каждая из этих наук смотрит на это явление со своей точки зрения, порой весьма узко.

Надо учитывать, что объяснение любого явления справедливо для данного времени. Например, ответ на вопрос «что такое свет?» сегодня звучит совсем не так, как сто и двести лет назад. Мир, в частности террор и терроризм, настолько изменились, стали так необычны, что описать и понять их на прежней философско-методологической основе

практически невозможно. Старые понятия не «работают», новые не определены. Еще живо выражение «метод плаща и кинжала», рисуящее нам образ тирана или террориста-одиночки, использовавших тайные заговоры, шпагу и кинжал для сведения счетов с противником, а сегодня уже в ходу понятия «ядерный террор», «биологический террор», «экологический террор» и т. п.

Мир жаждет устойчивости, но ныне устойчивы только перемены. Реальностью является «устойчивая неустойчивость» или, наоборот, «неустойчивая устойчивость». Мы жаждем мира, но живем практически на войне, называя это состояние «свободной конкуренцией», «борьбой за национальные интересы» и т. п. Тысячи институтов и лабораторий гадают, каким будет будущее человечества, и приходят к выводам о том, что будущее непредсказуемо и определенно можно сказать лишь, что его ожидают новые катаклизмы. И так далее.

Одним словом, понять, что такое «международный терроризм», очень трудно в силу целого ряда объективных обстоятельств. Не удивительно поэтому, что в массовом сознании понятие «терроризм», по сути дела, отождествляется с понятием «терроризм международный» и оба эти явления воспринимаются, главным образом, на уровне эмоций: страх, ужас, происки негодяев, религиозных и политических фанатиков, покушение на покой, счастье и жизнь простых людей, на основы человеческого бытия и т. д. и т. п.

Мы употребляем слова «террор», «терроризм», «международный терроризм» как взаимозаменяемые, то есть как синонимы, хотя на самом деле это не так, о чем еще будет сказано ниже. Рядом с ними и часто взамен их произносятся слова «насилие», «экстремизм», «агрессия», «война», «геноцид» и т. п.

Такому положению способствует и то, что многие, если не большинство из сотен тысяч журналистов и ученых всех стран, пишущих о борьбе «цивилизованного человечества» с «международным терроризмом», заняты в основном описанием исключительно текущей действительности, их прежде всего волнует происходящее. «Буш заявил»... «Путин сказал»... «ООН заявила»... «Американцы бомбят Афганистан»... «Наземная операция началась»... «Современная история делится на периоды «до» и «после» 11 сентября»... «Атака на Америку — это атака на человеческую цивилизацию»... «События 11 сентября открыли для России шанс присоединиться к высшей цивилизации на равных»... «Америка поняла, что без России построить новый мировой порядок невозможно»... «Прорыв в российско-американских отношениях»... «Отныне отношения России с Западом будут строиться на подлинно партнерских отношениях»... И так далее и тому подобное. Выступают президенты, премьеры, министры, руководители всевозможных аналитических центров и институтов, геополитики, политтехнологи. Но в основном, к сожалению, в том же духе.

И так — день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Что же мы

имеем в итоге? Описание событий, их хронику, хронологию, которые не несут ответов на вопросы: «Что же такое «международный терроризм»?», «Почему мы не можем его остановить?», «Что будет завтра?». Они остаются в стороне.

Среди субъективных причин, которые не позволяют дать ясного представления о терроре и терроризме, в частности «международном терроризме», на первое место, на мой взгляд, надо поставить отсутствие у ряда государств политической воли и желания иметь такое понимание. Наоборот, как вчера, так и сегодня некоторым правителям и правительствам выгоднее, чтобы люди не понимали, что же происходит в мире на самом деле, где лежат истоки, где зарыты корни международного терроризма. Почему? Потому что знание сущности международного терроризма позволит выявить истинного «террориста № 1». Гораздо выгодней кричать «держи вора!» И очень стыдно и опасно, когда оказывается, что кричащий и есть вор. На глубокое изучение природы, сущности, причин терроризма как социального явления в научном плане долгие годы практически было наложено «табу». В период почти пятидесяти лет «холодной войны» в этом не были заинтересованы правительства прежде всего СССР и США. Ныне хорошо известно, что практически все западные и особенно американские спецслужбы внесли свой вклад в дело создания будущих бен Ладенов. Давно уже не секрет, что, например, многие «воины ислама» теорию и практику терроризма в свое время изучали в советских разведшколах.

Известно также, что СССР не раз блокировал в ООН и на европейском уровне принятие документов, раскрывающих сущность международного терроризма (а по моему понятию — международного террора). Например, 27 января 1977 года в Будапеште была принята Европейская конвенция по борьбе с терроризмом, в которой впервые был обозначен перечень документов, квалифицируемых как террористические. Руководство СССР категорически отказалось подписать этот международно-правовой документ, аргументируя свое решение следующими обстоятельствами: 1) конвенция, по его мнению, была направлена исключительно на подавление коммунистического и рабочего движения под видом борьбы с крайне левыми группировками; 2) смысл отдельных формулировок, считали советские лидеры, декриминализирует деятельность крайне правых, поскольку вуалирует уголовную сущность их акций посредством акцентирования внимания на политических требованиях или декларируемых мотивах террористов. И только спустя почти 20 лет, 7 июля 2000 года, этот документ был принят Государственной Думой, а 26 июля одобрен Советом Федерации. 7 августа 2000 года Президент России В. В. Путин подписал Федеральный закон «О ратификации Европейской конвенции о пресечении терроризма».

Не способствует поиску ответа на вопрос «что такое международный терроризм?» (террор, терроризм «вообще») и позиция многих ученых, полагающих, что найти этот ответ попросту невозможно, тем более дать общеприемлемое определение. И дело тут не только в сложности предмета изучения и способностях самих исследователей, а в

принципиальном взгляде на возможности познания. Известно, что на Западе уже давно, а теперь и в нашей стране весьма широко распространен позитивизм, то есть философское направление, согласно которому подлинное знание может быть получено только специальными науками, но не философией; причину и сущность предметов и явлений не следует искать вообще, ибо это не является задачей науки, которая якобы лишь описывает явления, а не объясняет их, отвечает на вопрос «как?», но не заботится о поисках ответа на вопрос «почему?».

В этом плане совсем не случайно проблемы терроризма исследуются сегодня в основном историей, психологией, прежде всего, с юридической точки зрения. В рамках своего предмета каждая из наук достигла неплохих результатов. Но эти итоги и выводы важны именно для данной науки, отражают лишь какую-либо одну из сторон терроризма как сложного и комплексного, многогранного и многоуровневого явления. Каждая из этих и других наук отвечает на вопрос «что это такое?» для своих «внутренних», особых нужд.

Скажем, право, как наука, устанавливает пределы законности того или иного действия субъекта терроризма. Это его основная задача. Определив терроризм как уголовное преступление, данная наука может считать, что она свою задачу выполнила, ибо раскрыла правовую сущность данного явления: это — преступление.

Достаточно ли этого даже для самого права, для практической правовой деятельности, скажем, судебной? Оказывается, нет. Нужен ответ более детальный, в котором указывалось бы, какие виды и формы действий террористов можно квалифицировать как уголовные преступления.

В Уголовном кодексе РСФСР норма о терроризме (ст. 2133) была введена Федеральным законом РФ от 1 июля 1994 года (№ 10-ФЗ). Статья 205 УК РФ 1996 года в редакции Федерального закона от 9 февраля 1999 года № 26-ФЗ определяет терроризм как совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также как угрозу совершения указанных действий в тех же целях.

Обратим внимание: понятие терроризма выявляется путем перечисления различных его форм: взрыв, поджог, угон самолета и т. п.

По такому же принципу определяется понятие терроризма и в Федеральном законе «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 года. Согласно статье 3 данного Закона под терроризмом понимаются «насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения

значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемых в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их неправомерных имущественных и (или) иных интересов; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность; нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений». К преступлениям террористического характера в указанной статье отнесены преступления, предусмотренные ст. 205-208, 277 и 360 Уголовного кодекса Российской Федерации. Более того, преступления террористического характера могут быть признаны и другие преступления, перечисленные в Уголовном кодексе Российской Федерации. Это значит, что практически любое преступление (кража, изнасилование, получение взятки и т. п.), предусмотренное УК РФ, может быть сочтено террористическим. Последствием этого является искажение статистики, то есть оценки ситуации в каждой из данных областей практики, картины положения дел в глазах общества. Итог — постановка ошибочных целей, принятие неверных решений, низкая эффективность деятельности. На основе такого определения невозможно успешно бороться именно с терроризмом, а не просто с преступностью, невозможно построить эффективную систему противодействия терроризму.

Так в науке и практике бывает всегда, пока не удастся понять сущность, я бы сказал даже — сущность сущностей того или иного явления.

Ибо терроризм имеет не только «правовую сущность», но также целый ряд других.

Надо сознавать, что за террором и терроризмом, за международным тем более, как правило, кроются Идея, Идеология, Мировоззрение, стремящиеся доказать свое превосходство и право на доминирование в какой-то сфере общественной жизни, в каком-то регионе или в целом мире. Поэтому, на мой взгляд, вполне обоснованно говорить об идеологической (религиозной, мировоззренческой) сущности этого явления.

За террором и терроризмом, в том числе международным, всегда просматриваются проблемы власти. И террор, и терроризм — это средства борьбы за власть. И потому необходимо говорить об их «политической сущности».

За террором и терроризмом, в том числе международным, всегда прослеживаются экономические интересы, проблемы денег и овладения

разного рода богатствами. В сути своей террор всегда (а терроризм с некоторых пор) является своего рода (а сегодня — особенно) бизнесом. Одна из основных целей террора — агрессивное, насильственное овладение «жизненным пространством» как формой долгосрочного богатства, людскими и сырьевыми ресурсами, рынком сбыта рабочей силы и товаров и т. п. Терроризм, в свою очередь, — это способ отстаивания противной стороной своих экономических интересов доступными ему средствами. В вульгарном значении террор и терроризм — это «рынок», на котором одни предлагают свои террористические «услуги», а другие их покупают. Спрос рождает предложение. Срачивание «высоких идей» террористов, субъектов террора и терроризма (борьба за суверенитет, национальную независимость, свою веру и т. п.) с наркомафией, торговлей оружием совершенно не случайно. Война в Чечне — яркое тому подтверждение. На ней наживаются обе стороны. «Кто-то» не хочет, чтобы эта война закончилась. Кто же? Надо только узнать имена тех, в чьи карманы текут миллиарды рублей и миллионы долларов. Про Масхадова, Басаева и других террористов многое известно. Про тех, кто ведет «антитеррористическую операцию», — ничего. Что — таких лиц нет? Полноте! Почему же мы не знаем их имена? Слишком выгодная это война для «кого-то»... Придет время — и мы узнаем закулисных «героев» чеченской войны. Поэтому правомерно говорить об «экономической сущности» террора и терроризма.

За террором и терроризмом, в том числе международным, всегда стоят проблемы отношений — межличностных, групповых, классовых, конфессиональных, национальных, межгосударственных, региональных, глобальных, геополитических; проблемы несправедливости этих отношений. В связи с этим вполне оправданно считать, что существуют «психологическая» и «социально-психологическая сущность» террора и терроризма. И так далее.

Чтобы до конца понять, что такое террор и терроризм, мы должны охватить единым взглядом все названные и другие существенные (а не случайные, единичные) стороны социальных явлений «террор» и «терроризм», соединить их в единое целое. То есть завершить анализ, проведенный каждой из наук, междисциплинарным синтезом. Без этой мыслительной операции мы не получим общего понимания того, что такое террор и терроризм. Ведь любое понятие (в частности, понятия «террор» и «терроризм») — это мысль, представляющая собой результат обобщения (и выделения) предметов и явлений того или иного класса по более или менее существенным признакам, которые являются общими для всех этих предметов и выделяют их из множества других предметов и явлений. Понятие — это ядро любой системы знаний. В данном случае — знаний о терроре и терроризме. Например, чтобы отделить акт терроризма от обычного уголовного акта, необходимо выделить некоторый минимум наиболее существенных признаков, которые определяли бы терроризм как именно терроризм и отделяли его от уголовного преступления. Только так образуется научное понятие. Его отличие от обыденного понятия не в форме, а в степени точности и глубине отражения.

Что за труд — понять, что взрывы и поджоги зданий и сооружений, угоны самолетов, политические убийства и т. п. — это террористические акты? Это ясно любому. Отсюда умозаключения типа: «Не время заниматься теорией, понятиями и определениями! Давайте ловить и громить террористов!». Не удивительно, когда так рассуждают обыватели, оперативные работники спецслужб. Их задача в том и состоит, чтобы ловить и уничтожать. Философствовать многие из них просто-напросто неспособны. Парадоксально, что к тому же призывают сегодня и некоторые исследователи, задача которых совсем в другом — понимать. Об этом говорили и некоторые ученые, писатели, общественные деятели, выступавшие на заседании Русского интеллектуального клуба, обсуждавшего 28 ноября с. г. проблемы террора и терроризма.

Более того, говорится о том, что проблема терроризма преувеличивается, что это один из самых больших мифов современности. Я с этим совершенно не согласен. Мифотворчество возможно только там, где не слышно голоса науки. Вот в этих условиях вокруг реального явления может появиться множество различных спекуляций, выгодных тем или иным силам, которые придают этому явлению искаженный вид. Тем активней в этих условиях должна проявлять себя наука, задача которой — демифологизация действительности. На мой взгляд, многие вопросы в практической борьбе с терроризмом, в частности терроризмом международным, уже уперлись в слабую теоретическую разработанность этой проблемы, в нехватку четкого понятийного аппарата. Его необходимость будет осознаваться тем острее, чем масштабнее будут становиться международный террор и международный терроризм, под знаком которых, по моему убеждению, будет проходить развитие мирового сообщества в XXI веке.

О соотношении понятий «террор», «терроризм» и об их сущности

Это первый вопрос, который следует прояснить, потому что, как уже говорилось, понятия «террор» и «терроризм» используются в качестве взаимозаменяемых, то есть рассматриваются как синонимы не только в обыденной речи и газетных статьях, но даже в научной литературе и официальных документах. Говорят «терроризм», а имеют в виду «террор», пишут «террор» — подразумевают «терроризм». Правильно ли это? Отчасти — да. «Терроризм» — это производное от слова «террор». Само слово «террор» («terror») в переводе с латинского означает «страх», «ужас». Таким образом, изначально, в чисто семантическом плане, оба эти понятия вроде бы однозначны по смыслу. Отчасти это естественно. Понятие в логике часто определяют именно так — смысл слова.

Слова (и понятия) «террор» и «терроризм» в их изначальном значении сближает и то, что «страх» и «ужас» имеют единую для них основу — насилие, результатом которого они являются. При этом надо подчеркнуть, что слово и понятие «терроризм» — это производное от слова и понятия «террор». И чисто семантически, и по существу, как слово и как понятие, в том числе научное. Нельзя игнорировать тот

факт, что смысловое содержание любого слова, термина, понятия в любом языке представляет определенные формы отражения предметов и отражений объективного мира. С течением времени смысл и содержание слов и понятий постоянно уточняется, углубляется, изменяется.

Когда из слова «террор» родилось слово «терроризм», отразившее некое новое явление социальной действительности? Вероятно, в момент первых восстаний рабов против своих господ еще в древние века. Это должны показать историки. В данном случае это не важно. Несомненно одно: появление этого слова — итог не словесных упражнений, а отражение в нем (слове) неких новых, до той поры неведомых социальных отношений. «Терроризм» — это хоть и производное, но относительно самостоятельное явление и понятие, рядоположное сущности и содержанию явления и понятия «террор», однако не сводимое к нему. Это значит, что данные понятия не являются взаимозаменяемыми. На мой взгляд, будет ошибкой сказать также, что террор — это метод терроризма. И наоборот. В первом случае понижается в значении, низводится до второстепенной роли ключевое слово всей системы знаний о терроре и терроризме — слово и понятие «террор». Во втором случае подсобным становится самостоятельное социальное явление и понятие «терроризм», которое исторически уже наполнилось собственным содержанием. Мне кажется, что такая манипуляция словами и понятиями — это ошибка с точки зрения как формальной, так и диалектической логики.

Думается, можно говорить о наличии общего «ядра» в сущностях террора и терроризма как социальных явлений.

Как уже говорилось, прямой перевод слова «террор» — «страх», который и составляет его смысл. Но о каком страхе речь? О страхе (боязни) высоты, темноты, замкнутого пространства и т. п.? Нет. Такие виды страхов относятся к разряду природных инстинктов или психических расстройств. Террор же имеет назначение — утратить. Каким способом? Посредством насилия. Ради чего? Ради вполне определенной (не важно, какой по характеру) цели. В какой форме? В форме войны, которая является не столько способом естественной внутривидовой борьбы в сообществе социальных животных (людей), сколько их социальным изобретением.

Люди придумали часы, чтобы они отсчитывали время; термометр, чтобы измерять температуру; барометр, чтобы он показывал атмосферное давление и т. п. Их сущность состоит в этих назначениях. Война, террор и терроризм также имеют свое назначение, и оно состоит в том, чтобы с помощью насилия добиваться желаемых целей, которыми в обобщенном виде служат Власть, Богатство, Слава.

Рассуждая о терроре и терроризме, невозможно не коснуться вопроса о соотношении этих понятий с понятием «война». Ибо это понятия родственные по существу, по своей природе, назначению, функциям и целям. На мой взгляд, война соотносится с террором и терроризмом как род и вид. Террор и терроризм есть особые, специфические виды

войны, не предполагающие объявления войны и ее ведения с помощью вооруженных сил. Если заглянуть в историю человечества, то мы обнаружим там феномены, которые не назовешь войной в полном смысле этого слова, но которые, однако, подпадают, на мой взгляд, под понятие «международный террор».

Известно, например, почти 120-летнее противостояние Рима и Карфагена в III-II веках до новой эры, которое характеризовалось не только вооруженными схватками, но и длительными периодами их отсутствия, когда войны в «чистом» виде не было, но не было и подлинного мира. Враждующие стороны изматывали друг друга морскими блокадами, провоцировали народные восстания на территории противника против властей, вели шпионаж, подрывные (сегодня сказали бы «диверсионные») действия, тайную дипломатию с целью переманивания союзников и т. п. Как назвать состояние «ни войны — ни мира» в межгосударственных отношениях, когда каждая из противных сторон в течение многих лет живет в постоянном напряжении и страхе перед нападением противника, нагнетающего с помощью различных изощренных способов атмосферу опасности и угроз? Это, конечно же, межгосударственный террор — предвестник полномасштабной войны с применением всей мощи вооруженных сил. Наверное, это все-таки более точное по существу определение, чем термин «холодная война», родившийся в пору «мирного сосуществования» враждебных друг другу социально-экономических и политических систем XX века — социализма и капитализма.

Внутривидовая агрессия является важнейшей функцией сохранения вида не только в животном, но и человеческом мире. Но если борьба за «территорию» (среду обитания) и самку внутри вида животных ведется на основе инстинктов, то человек взглянул на агрессию с точки зрения полезности. Вопрос о пользе борьбы за сохранение вида научно обосновал Дарвин. Но догадывались об этом люди давно и придумали, как дать выход этой стихийной силе, в каком направлении и в каких целях ее использовать, в какой форме ее «отлить». Эта форма — война с ее различными видами и типами, но единой сущностью: насилие в форме вооруженных действий (войны) с целью достижения своих интересов. Эта сущность войны — в ее предельно общем и потому предельно «бедном» смысле — остается неизменной с момента ее изобретения и поныне.

Но это вовсе не значит, что неизменным остается само понятие войны, ее содержание. Война с помощью камней, луков, копий и топоров и война ядерная, биологическая, экологическая, психологическая, информационная различаются, как небо и земля. Сегодня от изначального, традиционного слова «война» осталась во многом лишь оболочка, а его содержание стало неизмеримо более сложным, объемным, «богатым». В общем понятии «война» изменялось и особенно сегодня быстро изменяется место и значение террора и терроризма как ее особых видов. Это естественно.

И дело не только в том, что наше познание в любой области, как известно, движется от менее глубокой к более глубокой сущности; от

сущности первого порядка к сущности второго, третьего порядка и т. д. Вначале материя мыслилась состоящей из молекул. Потом был открыт атом, который считался неделимым. Затем возникло понятие о нем как о сложной механической системе, были открыты другие частицы, из которых состоит атом. Впереди новые открытия. То есть понимание сущности даже сугубо природных явлений изменяется, и происходит это во времени, в процессе развития явления. И это объяснимо. Сущность любого явления невозможно «схватить» сразу и в полном объеме. Ибо в основе сущности лежит представление об определенных взаимосвязях (причинных, функциональных) между свойствами и признаками предмета или явления. Среди них есть признаки существенные и несущественные, случайные.

Данный вывод тем более справедлив, когда речь идет о явлениях социальных, созданных людьми для определенных целей. Что существенно, а что несущественно в данном социальном явлении («предмете») в данный исторический момент, решается опять-таки людьми с точки зрения практической потребности возможностей использования данного социального предмета для достижения своих целей. И если сегодня полномасштабная ядерная или биологическая война практически нецелесообразна и невозможна, то ее наиболее существенным признаком становится война без объявления войны и без использования самого смертоносного и опасного оружия — террора.

Что такое «террор»?

Определений террора — множество. Положение для науки естественное. Перевод латинского слова «*terro*» означает «страх», «ужас». В «Словаре иностранных слов» «террор» объясняется как система действий, социально-политический процесс и явление, определяется как «политика устрашения, подавления политических противников насильственными мерами»[\[3\]](#). В «Новой философской энциклопедии» под террором подразумевается «систематическое всеобъемлющее насилие как один из способов воспроизводства тоталитарного режима»[\[4\]](#). Хотя, как свидетельствует жизнь, это не всегда так. Ибо террор (в чем сходится большинство ученых) характеризуется особо репрессивной, жесткой деятельностью государственной власти в отношении своих политических противников. Террор — это привилегия «сильного» — власти и богатства; это их способ утверждения, расширения и сохранения рамок своего господствующего положения.. Террор не является порождением XX века. Во все времена находились властители — фараоны, короли, цари, императоры, которые рубили головы, поднимавшиеся над уровнем посредственности, особенно, если ума не хватало им самим. Всегда были правители, которые, будучи не в состоянии обеспечить благополучие своих подданных, убивали тех, кто начинал понимать это и сообщать другим. Всегда в положении «сильных мира сего» оказывалось немало слабых, трусливых и просто жестоких людей, которые убийством своих подчиненных пытались успокоить и возвысить себя в глазах окружающих.

В русских словарях и энциклопедиях дореволюционного времени не было толкования слова «террор». В первом издании словаря Брокгауза и Ефрона были помещены статьи о якобинском терроре эпохи Великой французской революции и о белом терроре роялистов в 1815-1816 годах (Т. XXXIII. 1901). Симптоматично, что слово «террор» производилось от французского «la terreur». Во втором дополнительном томе этого же словаря, вышедшем в 1907 году, появилась статья (подписанная В. В-въ; по-видимому, В. В. Водовозов. — *И. И.*) «Террор в России», в которой террор был назван «системой борьбы против правительства, состоявшей в организации убийства отдельных высокопоставленных лиц, а также шпионов и в вооруженной защите против обысков и арестов»; период систематического террора автор относил к 1878-1882 годам; в статье говорилось также о возобновлении террора в начале двадцатого века, упоминался террор партии социалистов-революционеров, а также черносотенный террор.

«Свидетель истории», на глазах которого прошли все стадии революционного терроризма в России, и один из редакторов словаря Брокгауза и Ефрона К.К.Арсеньев в дни большевистского террора в Петрограде попытался проследить происхождение термина «террор». Заметив, что «в политической обиход» его ввела Великая французская революция, он писал, что «новый смысл выражение террор получило в семидесятых и восьмидесятых годах, у нас, в России, когда оппозиционные течения, жестоко и бессмысленно подавляемые, вызвали ряд политических убийств»[\[5\]](#).

Возьмем нашу ближайшую историю. Огромная литература создана сейчас о периоде сталинских репрессий в СССР, где внутренний государственный террор был главным инструментом стабильности системы. Он проявлялся в уголовном преследовании политических противников вплоть до смертной казни, а также в идеологическом и административном терроре, инструментом которых были спецорганы власти. Практически исключалось и преследовалось всякое инакомыслие, проводились произвольные массовые аресты, заключенных часто расстреливали без суда и следствия. При том, что люди жили — любили, рожали детей, радовались жизни, что страна развивалась — строились новые города, заводы и фабрики и т. д. и т. п., — вся атмосфера общества, души людей были заполнены страхом за свою жизнь. В любой момент по любому поводу любой человек мог быть уничтожен физически.

Тоталитаризм — в прошлом. В течение десяти лет в России идут демократические реформы. Ситуация изменилась: люди уже не боятся физической расправы, не ощущают насилия со стороны государства в непосредственной форме: нет ночных арестов, по улицам не носятся «воронки», не проводится показательных судов над «врагами народа» и т. п. Власть допускает существование реальной политической оппозиции. Это, конечно же, огромное благо, великая перемена. В этом смысле государство стало добрее к своим гражданам. Именно — «добрее». Кое в чем. Но «добрым» и справедливым нынешнее российское государство никак не назовешь. Оно как было, так и остается инструментом насилия, не столь открытого, более

изошренного, но зачастую не менее жесткого, чем прежде.

Общество заполнено страхом. Его причины и виды многообразны. Страх сегодня — это тягостное и мучительное состояние, вызываемое грозящей человеку неясной опасностью и чувством собственного бессилия перед ней. Ныне страх вызывается у миллионов всей совокупностью внешних обстоятельств, всей атмосферой государственной и общественной жизни, которые сложились совсем не стихийно, а создаются. Кем? Властью, которая есть сила почти метафизическая. Что такое президент России? Премьер? Министр? Есть ли сегодня у «рядового» гражданина страны хоть какая-то возможность повлиять на их мнения и решения? Абсолютно никакой! Власть ныне в не меньшей мере, чем вчера, — сила совершенно непреодолимая. Сегодня (как и вчера) с человеком могут сделать и делают все что угодно. Арестовать. Посадить в тюрьму. «Заказать» и убить. Оболгать через СМИ. Безо всяких на то оснований. Примеры приводить не стоит, их множество, вопиющих. Все в нынешней жизни устроено так, что согласно писаным законам человеку вроде бы и нечего бояться. А бояться все. В том числе те, кто сеет страх. Боятся без охраны выйти на улицу. Боятся жить за обычной, а не металлической дверью, за обычными, а не за зарешеченными окнами. Боятся милиции, которая должна защищать. Богатые боятся потерять богатство. Бедные боятся стать нищими. Нищие боятся умереть с голода. Боятся будущего, потому что в настоящем дела идут не лучше, а все хуже. И так далее и тому подобное. Безотчетный страх-тоска, страх-ужас одолевают людей день за днем, год за годом, заставляя многих из них бессознательно искать убежища для души и сознания в разного рода простейших «радостях» — пьянстве, наркомании и т. п. Миллионы психически больных людей (в России их в пять раз больше, чем в Европе), сотни тысяч самоубийц, количество которых среди молодежи за последнее десятилетие возросло в 12 раз, миллионы «неожиданно» умерших от инсультов и инфарктов — это физическое измерение разного рода страхов.

Можно сказать, что эти люди умерли и умирают по своему собственному выбору, своей смертью. Но разве такую смерть можно назвать естественной? Я этого не скажу. Огромное количество людей, особенно старшего поколения, ушли из жизни намного раньше срока. Известно, что средняя продолжительность жизни в России за годы «реформ» сократилась на 10 и более лет. В чем же дело? В жизненных условиях, которые не только естественно сложились в ходе реформ, необходимость которых нельзя отрицать. В еще большей мере они были созданы искусственно, в результате грубых ошибок властей, а отчасти — сознательно. В это не хочется верить, но это так. Эту тайную часть внутренней политики наших властей нам еще предстоит узнать. Но кое-что известно и сегодня.

Однажды (еще в 1995 году) я имел возможность спросить Е.Гайдара после его выступления на Открытой кафедре нашей Академии (тогда — Института молодежи), что он думает о резком падении рождаемости, росте смертности, обеднении и обнищании населения, разрушении здравоохранения, забастовках учителей школ и т. п. Ничуть не смутясь,

в присутствии всего нашего ректората он ответил: «Это неизбежная цена реформ...».

В ту же пору бывшая тогда заместителем министра образования РФ М.Н. Лазутова, с которой мы давно и хорошо знакомы, с возмущением рассказывала мне о некоторых тезисах, которые были в ходу среди идеологов замышлявшейся реформы отечественного образования: «России не нужно так много науки»; «в России слишком много грамотных людей»; «нам не надо столько работников с высшим образованием»; «должно быть элитное (то есть фундаментальное, качественное. — И.И.) образование и образование для масс (то есть узкоспециализированное, по сути, ремесленническое. — И.И.)» и т. п.

Умышленное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение возрастных или национальных групп населения по политическим или религиозным мотивам, — что это такое, если не террор? Политика (тайная или явная, сознательная или «по нечаянности» — это не столь важно) массового психологического и идеологического (а не только физического) насилия, которая осуществлялась государственными или общественно-политическими структурами, обладающими неограниченной властью (вседозволенность) над находящимися в сфере их влияния и подчинения людьми с целью принуждения их к определенному нужному этим структурам поведению, — это, безусловно, террор. Ибо эта политика сеет страх и нравственные страдания, вызывает болезни и гибель людей.

Так что же такое «террор» в своей сущности? То есть то, что является остающимся в этом явлении независимо от хода времени? Если можно так сказать, в чем сущность сущности террора? Сущность террора в том, что это особый вид войны. Войны внутренней, направленной на свой народ или оппозицию; внешней — направленной на одно или более государство. Существенными признаками террора, превращающими его в войну особого вида, всегда являются: 1) агрессия без объявления войны; 2) ведение борьбы прежде всего тайными средствами, хотя вполне возможны (особенно на внутреннем «фронте») действия под «прикрытием» специальных решений власти и особых законов; 3) систематичность террористических действий. Особенность террора состоит в том, что он может носить тотальный характер, то есть касаться всех, тем более когда речь идет о внутреннем терроре.

Субъектами террора могут быть не только государственные, но и общественные структуры (например, церковь, которая осуществляла инквизицию в средние века), политические партии правящих тоталитарных режимов и т. д.

Если исходить из понимания, что «террор» и «терроризм» — не синонимы, а разные понятия; что терроризм — это, как правило, ответная мера, реакция на террор, то по логике вещей явлению и понятию «международный терроризм», которое получило широкое распространение, должно соответствовать «зеркальное» явление и

понятие — «международный террор». Парадокс заключается в том, что если такое явление в реальности существует, то понятие отсутствует. Во всяком случае, в научной литературе и официальных документах оно мне не встречалось. Попытаемся показать, что оно необходимо и в чем его смысл. Не только для теории, но и для практики.

Что такое «международный террор»?

Что дает мне право говорить о международном терроре? Прежде всего, огромный потенциал агрессивности, экстремизма, вражды и ненависти, который накопился у современного человечества. В совокупности эти негативные чувства и эмоции составляют ресурс насилия, которое, хоть и в разной мере, но проявляется во всех частях света. Во-вторых, наличие различных идей и идеологий, которые дают направленность для реализации насильственной энергии. В-третьих, существование на протяжении столетий (а не только ныне) наций и народов, которые имеют стойкую черту: по любому поводу обращаться к насилию. В-четвертых, существование в современном мире страны и группы ее союзников, претендующих на установление «нового мирового порядка», то есть на осуществление власти и господства над всем миром. В-пятых, функционирование в мире целого ряда мощных международных организаций, которые созданы и используются для того, чтобы служить инструментами установления «нового мирового порядка». В-шестых, что этот «мировой порядок» устанавливается силой и преследует цели не только экономические, но также разрушения национальных государств, их языка, культуры и т. п.

В прошлом преобладание насилия над гуманистическими тенденциями проявилось в массовом порядке, во всеобъемлющем масштабе прежде всего в Западной Европе.

Первый раз — во времена Реформации и Контрреформации, когда противостоящие друг другу стороны с невиданной жестокостью навязывали друг другу свое понимание божественного начала. Центральная Европа стонала от ужаса, пыток и крови. В огне религиозных войн Запад уничтожил миллионы своих жителей. Религиозный фанатизм породил феноменальный по жестокости и масштабам террор, который, я думаю, можно назвать международным.

Во второй раз Запад продемонстрировал свою тягу к насилию на континентальном и международном уровнях во время Великой французской революции и наполеоновских войн. Напомню, что слово «террор» впервые появилось в русском словаре в переводе не с латинского, а с французского. Презрение к любым преградам на пути к идеалу, даже если это идеал Разума, Добра и Справедливости, — вот что продемонстрировали миру французские революционеры и завоеватели. Франция подарила миру образец «красного террора» и гильотину — универсальное оружие в борьбе с инакомыслием.

В третий раз Запад преподнес миру уроки международного террора в XX веке, который можно назвать веком трех безумных идеологий: фашизма, коммунизма и либерализма. Две мировые войны, а затем

холодная война и начавшаяся новая тайная, необъявленная война за установление «нового мирового порядка» — это в совокупности воистину нечто большее, чем просто война. Это такой социальный порядок жизни, когда мир постоянно находится в состоянии «ни войны — ни мира», но все время ожидает вселенской катастрофы, потому что война и террор поставлены на научную основу. Это — тотальный террор, сопровождающийся тотальным истреблением духа, нравственности, природы и человека со стороны и руками тех, кто взял на себя роль спасителя человечества. Террор стал рабом их Идеи.

Природа нынешнего международного террора широка и многогранна. Ее основу составляют глубинные противоречия в экономической, политической, религиозной и других сферах на глобальном (мировом), региональном и локальном уровнях. Эти противоречия были и остаются основой ожесточенной борьбы за власть и реализацию различных амбиций (националистических и религиозных) как внутри стран, так и на международной арене. Главными актерами на этой арене в течение второй половины XX века были два антагониста, две сверхдержавы — СССР и США со своими союзниками. Именно эти страны, на мой взгляд, прежде всего и являются прародителями нынешнего «международного терроризма», ибо они и были основными субъектами международного террора в XX веке. Ибо обе супердержавы ставили перед собой одинаковую цель — мировое господство.

Сейчас не важно, какую идеологическую окраску имела эта цель, какие лозунги и призывы звучали при этом с обеих сторон. Суть одна — господство, мировое. По отношению друг к другу они оперировали понятиями «враг № 1», «империя зла»; обе стороны искали и «делали» себе союзников, используя при этом одни и те же формы и методы: экспортировали в другие страны свою идеологию и свой образ жизни в качестве «лучших» и «единственно верных»; с помощью денег, экономических мер, методов «плаща и кинжала» и военного устрашения устанавливали «свои» режимы власти, а если те начинали «выпрыгаться», свержали их, заменяя лидеров и правительства.

Игра в «перетягивание каната» под названием «холодная война» продолжалась более полувека. В отношении народов своих стран и всего человечества она была не чем иным, как самым настоящим террором. Дело не только в изощренной политической демагогии, потоках лжи и грязи, которые выливали друг на друга обе стороны и которые уродовали умы и души миллиардов людей. Это само собой. Не менее страшно то, что ситуация террора изменила во всем мире логику человеческих отношений, целей деятельности и смысл самой деятельности. Понятие «польза», которое должно отражать интересы, цели и задачи, связанные с условиями жизни людей и смыслом самой жизни, стало концентрироваться вокруг понятий «враг», «военная угроза», «холодная война» и т. п. Люди больше, чем следует, думали о смерти, а не о жизни, о войне, а не о мире, тратили деньги на производство вооружений, средств разрушения, а не строительство. Террор приобрел метафизическое значение, он будил в человеке зверя, унижал и умалял личность. Ибо угроза войны, как и сама война,

убивает в человеке веру в его самоценность.

При этом произошло смешение и подмена понятий «нападающая сторона» — «обороняющаяся сторона», «война» — «мир», «добро» — «зло», «террор» — «терроризм». Источник (субъект) террора стал мыслить себя «слабой» стороной, жертвой, имеющей право на противодействие. И кто кем являлся в каждый конкретный момент истории на самом деле, разобраться было практически невозможно. Все стало выглядеть «дьявольски наоборот». И эта дьявольщина лежала в основе идеологического, экономического, политического, военного и тайного противоборства двух социальных систем, каждая из которых в какой-то момент была то «сильной», то «слабой», то «охотником», то «добычей», то «жертвой», то «палачом». Другими словами, то субъектом международного террора, то его объектом.

Международный террор в течение многих десятилетий являлся неотъемлемой составляющей внешней политики США. Одним из главных инструментов в его осуществлении было Центральное разведывательное управление США.

В декабре 1947 года Государственный департамент США порекомендовал Совету национальной безопасности (СНБ) продумать меры по дополнению традиционных методов внешней политики тайными операциями. В том же месяце Совет национальной безопасности издал директиву СНБ-4, которая предоставляла государственному секретарю весьма широкие полномочия по координации действий, связанных со сбором информации разведывательного характера. Принятая 14 декабря 1947 года директива СНБ-4/А передавала ЦРУ монополию на ведение «психологической войны» и, по сути дела, была «индальгенцией» на осуществление тайных операций за пределами США [6].

Директива СНБ-4/А определяла содержание «психологической войны» следующим образом: «Ведение пропаганды, в том числе с использованием анонимных, фальсифицированных или негласно субсидируемых публикаций; политические действия с привлечением лиц без гражданства, изменников и поддержка политических партий; квазивоенные методы, включая помощь повстанцам и саботаж; экономические действия, связанные с валютными операциями» [7].

С июня 1948 года по март 1955 года Совет национальной безопасности издал целую серию директив, касающихся тайных операций ЦРУ. 18 июня 1948 года в соответствии с директивой СНБ-10/2 был создан так называемый Совет 10/2 — первый предшественник «консультативной группы по операциям», образованной при президенте Дж. Форде. В функцию этого Совета входило рассмотрение предложений о тайных операциях. 23 октября 1951 года на свет появилась директива СНБ-10/5, которая санкционировала дальнейшее расширение тайных операций во всем мире и вносила кое-какие изменения в процедуру их координации.

Что же имелось в виду под термином «тайные операции»? Какое

содержание вкладывали в него отцы-учредители ЦРУ?

Вот что написано по этому поводу в директиве СНБ-10/2: «Под термином «тайные операции», употребляющимся в этой директиве, следует иметь в виду все виды деятельности (за исключением оговоренных ниже), которые проводятся или одобряются правительством США против враждебных иностранных государств или групп. Однако эта деятельность планируется и проводится так, что внешне никак не проявляется ее источник — правительство США, а в случае ее разоблачения правительство США может правдоподобно отрицать до конца всю ответственность за нее.

Эти тайные операции включают: пропаганду; экономическую войну; превентивные прямые действия, включая саботаж, противодействие саботажу, разрушения и эвакуацию; подрывную работу против иностранных государств, включая помощь подпольному движению сопротивления, партизанам и эмигрантским группам освобождения, поддержку антикоммунистических групп в странах свободного мира, находящихся под угрозой. В число таких действий не входит вооруженный конфликт с участием регулярных вооруженных сил, шпионаж и контршпионаж, прикрытие и обман в интересах ведения военных операций».

ЦРУ занималось террором как непосредственно, так и косвенно, приложив руку к формированию соответствующих структур практически во всех уголках мира. Можно перечислить десятки стран, где разворачивалась эта деятельность, жертвами которой пали многие правительства, лидеры государств, партий, революционных и национально-освободительных движений. В результате заговоров, осуществленных в разные годы агентами ЦРУ, погибли премьер-министр Цейлона Соломон Бандаранаике, премьер-министр Конго Патрис Лумумба, председатель Фронта освобождения Мозамбика Эдуардо Мондлане, генеральный секретарь Африканской партии независимости Гвинеи-Бисау Амилькар Кабрал, президент Чили Сальвадор Альенде, экс-министры в его правительстве — генерал Пратс и Орландо Летельер, президент Народной Республики Конго Мариен Нгу-аби и многие другие.

Можно привести массу самых свежих примеров, в ряду которых поддержка албанских террористов, организованное американскими спецслужбами свержение президента Югославии Слободана Милошевича и его экстрадиция в Гаагу. Весь мир знает о той роли, которую ЦРУ сыграло в политической карьере Усама бен Ладена и многих других так называемых исламских международных террористов.

В глобальном историческом поединке «канат» холодной войны «перетянули» США и их союзники. Но вместе с этим закончилась ли сама война? Нет. Ибо цель еще не достигнута — новый мировой порядок еще не установлен, а только устанавливается. Передел мира, борьба за сохранение, упрочение и расширение власти на планете в

самом разгаре.

Сегодня в мире имеется достаточно стран, в той или иной форме взявших на вооружение международный террор и международный терроризм как инструменты своей внешней политики. Нередко эти инструменты становятся главными. Современный передел мира повышает роль международного террора и международного терроризма как инструмента политики. В ряде случаев они используются «на заказ», в качестве тарана, дестабилизатора, разрушителя существующих экономических и политических структур, балансов сил, зон интересов, влияния, взаимодействия. С тем чтобы после их разрушения или нарушения самим попытаться заполнить образовавшийся геополитический или глобальный экономический вакуум, встроиться в те или иные региональные структуры, но уже в роли якобы балансира, миротворца, носителя и гаранта свободы и демократии, регулирующей силы, чтобы управлять конфликтом в собственных интересах. Ситуация на Балканах — ярчайший тому пример. На очереди другие регионы мира.

Цели международного террора различные. Прежде всего, надо выделить социально-политический террор, имеющий своим глубинным смыслом коренное или частичное изменение социально-экономического и политического устройства как той или иной отдельно взятой страны, так и миропорядка в целом.

Всем известно, например, что Россия не только реформируется сама, ее реформируют. США, НАТО, МВФ, ВТО и другие международные организации, находящиеся под полным американским контролем, во-первых, сделали многое для того, чтобы поставить нашу страну на колени; во-вторых, выдвигают жесткие условия оказания ей финансовой и иной помощи; в-третьих, подкупают политиков и государственных деятелей, преследуя исключительно свои интересы, навязывая свое представление о настоящем и будущем, не неся при этом никакой ответственности за свои ошибки и негативные последствия. За годы «реформ» Россия, конечно же, изменилась — она разрушена, из сильной превращена в слабую. Что и требовалось сделать. Что же это было? Насилие — мотивированное, умышленное, сознательное и почти не скрываемое. И это, конечно, самое трагическое проявление международного террора за всю его историю, не идущее ни в какое сравнение даже с трагедией 11 сентября.

На наш взгляд, справедливо говорить о националистическом терроре, целью которого является борьба за особое положение той или иной национальности (расы, народа) в регионе или в целом мире; о религиозном терроре, решающем задачу доминирования «своей религии» среди других мировых конфессий; о государственном терроре, смыслом которого является давление одной страны на другую для достижения политических и экономических интересов такими способами, которые выходят за рамки международного права. Я не стану говорить об этом подробно. В данном материале это не главные аспекты темы.

Формами современного международного террора являются не только необъявленные войны, экспорт революций и контрреволюций, политические убийства, диверсии и т. п. Они и ныне не исключаются. Но надо учесть, что XX век принес массу технических и социальных открытий, которые имеют не только положительные, но и негативные последствия, служат не только добру, но и злу. Многие явления и процессы нашего времени многосмысленны, многозначны, могут использоваться в разных целях.

Средствами международного террора могут служить и служат СМИ, особенно электронные — телевидение, Интернет. Ибо все они находятся в руках «сильных» — либо богатых, либо властвующих, используются ими так, как им кажется нужным. С помощью СМИ в сознание людей вдалбливаются различные мифы, формируются искусственные потребности и искусственный спрос на товары, которых вчера еще не было и в которых подчас нет никакой нужды и т. п. «Свобода слова», «свобода СМИ», «свобода выбора» и т. п. понятия — это, конечно, огромное достижение. Но они носят относительный, а порой фиктивный характер.

Дьявольским социальным изобретением конца XX века стала глобализация. Нет, не та, которая является естественным социальным процессом и шла своим чередом более века. А та, в которой США, западные страны и ТНК увидели прекрасный инструмент овладения экономиками более слабых, менее развитых стран. Паразитическая, искусственно ускоренная глобализация, которая сильных и богатых делает еще сильнее и богаче, а слабых и бедных — еще слабее и беднее. Фактически глобализация сегодня — главный инструмент перекройки мира и властвования в нем. В этом смысле она (как и СМИ) является новым типом оружия в руках субъектов международного террора.

Кому-то эти суждения покажутся странными, нелогичными, не учитывающими реальные, уже происходящие процессы. Но с моей точки зрения, странными и нелогичными кажутся сами эти процессы и люди (подавляющее большинство), которые не желают или не могут вникнуть в суть происходящего и понять его. Если мы хотим вести борьбу с международным терроризмом, то, убежден, должны выработать совершенно новый подход к оценке природы, сущности и главных причин этого социального феномена с учетом как исторического опыта, так и совершенно новых явлений и процессов в современном мире. Главное состоит в том, чтобы понять: первопричиной международного терроризма как явления массового, организованного, вездесущего, имеющего тенденции к интеграции и представляющего в совокупности вовсе не слабую, а весьма значительную силу, служит международный террор. Сегодня основным его субъектом являются США и их союзники.

Что такое «терроризм»?

Если террор — это привилегия власти (силы), меньшинства над большинством, если он осуществляется «сверху — вниз», то терроризм

принято рассматривать как ответную реакцию «слабых» на насилие «сильных». Всякое действие, как известно, вызывает противодействие. Сила рождает силу. Не всякий бедный и слабый — покорный. Под воздействием силы многие из слабых хотят стать сильнее. Основой этой силы становится ненависть к насильнику.

И террор, и терроризм основаны на насилии и используют страх как способ достижения своих целей. Их принципиальное различие состоит в том, что если террор осуществляется с позиций власти над объектом террора, часто безграничной, неподконтрольной, то субъекты терроризма (одиночка или группа) не имеют никакой легитимной власти над теми, кого они терроризируют. Они «властвуют» с помощью страха.

Террор, как правило, является систематическим, массовым или тотальным. Терроризм же практически всегда носит одноразовый или серийный характер. Тотальным терроризм быть не в состоянии.

Еще в 1849 году в статье под заголовком «Убийство» один из немецких идеологов политического терроризма Карл Гейнцген писал: «Мы провозглашаем нашим основным принципом, которому нас обучили наши враги, что убийство, будь то индивидуальное или массовое, остается непререкаемым инструментом решения исторических задач... Если мы должны взорвать половину континента и пролить море крови, чтобы уничтожить партию варваров, пусть вас не мучают угрызения совести. Тот не настоящий республиканец, кто с радостью не отдаст свою жизнь для уничтожения миллиона варваров».

Такого рода люди рассматривают насилие как неизбежное и необходимое деяние, столь же органичное для развития общества, как гром и молния, бури и землетрясения в природе, как жертву, приносимую ими на алтарь будущего. И они неизменно находят себе множество сторонников, хотя будущее практически почти непредсказуемо. Обещать, в принципе, можно все что угодно, ибо истина в этом случае устанавливается задним числом. Прав или не прав революционер, будет ясно только «завтра». Но кровь льется уже сегодня. Что касается будущего, тем более отдаленного, то в этом вопросе доподлинно ясно лишь одно: новое время устанавливает новые алтари и водружает на них новых идолов. Ибо смена человеческих поколений неизбежно сопровождается сменой идеалов и социальных ценностей. Это — закон.

Во второй половине XIX — начале XX века в Западной Европе, России и США были убиты американские президенты Гарфилд и Мак-Кинли, русский царь Александр II, французский президент Карно, премьер-министр Испании Канова, императрица Австрии Элизабет, итальянский король Умберто, российский премьер-министр Петр Столыпин, австрийский эрцгерцог Франц-Фердинанд. В Египте был убит премьер-министр Бутрос Гали. Бомбы бросали в театрах и ресторанах, как бы протестуя против образа жизни властителей буржуазного общества, и в заурядных кафе, посетителями которых были простолюдины, на том основании, что «никто не свободен от вины». Нападая на общество в

любом месте, непременно поразишь кого-то из виновных.

В XIX и начале XX века терроризм носил, главным образом, внутренний характер, был в основном делом одиночек, небольших групп, если не говорить сейчас о «левом» (революционном) терроризме. К.Маркс утверждал, что насилие «является повивальной бабкой старого общества, когда оно беременно новым» (Капитал. Т. I. Гл. XXIV. § 6). По марксовой формуле действовали народники и социалисты XIX века, когда они боролись с царским режимом в России. Отвергая индивидуальный террор как метод борьбы с режимом, В.И.Ленин в полной мере оправдывал революционное, то есть массовое насилие. В современном мире этот вид терроризма почти отсутствует. Во всяком случае, пока.

Зато повсеместно и часто осуществляются угоны самолетов, захват заложников, взрывы в публичных местах, политические убийства и т. п. Терроризм отнесен к разряду уголовно наказуемых преступлений. В связи с этим существуют разного рода международные документы, а также законы в различных странах, в том числе в России.

Какие сущностные черты (в отличие от террора) характерны для терроризма?

Во-первых, конечно же (как и для террора), устрашение тех, на кого направлен террористический акт или их серия.

Во-вторых, максимально возможная огласка совершенного теракта. Публичный характер терроризма делает его оружием двойного действия. Если объектом теракта является власть или кто-то из политиков, государственных деятелей, то они начинают бояться не только того, что удар террористов может настичь их лично, но гнева людей, которые начинают предъявлять к властвующим свои претензии и требования. Совсем не случайно террористы выбирают для взрывов и поджогов места с наибольшим скоплением людей. Теракт должен вызывать ощущение общей опасности, общего страха, социальной напряженности.

В-третьих, терроризм характеризуется понуждением объекта нападения к действиям, которые ставят перед собой террористы.

Таким образом, можно сказать, что терроризм — это публично совершенные общеопасные действия или угрозы, вызывающие страх у объекта воздействия и побуждающие его к совершению поступков в интересах террористов, преследующих определенные цели.

Конечно, это определение можно раскритиковать. Психологи найдут в нем свои недостатки, юристы — свои. В данном случае я хотел лишь показать полезность социально-философского подхода и определения терроризма. В чем же польза? Если «наложить» это определение на то или иное преступление (грабеж, изнасилование, взрыв, поджог и т. п.) и при этом обнаружится, что оно не имеет таких характеристик, как «устрашение», «публичность», «понуждение», то это, стало быть,

обыкновенное уголовное преступление, но не терроризм.

Что такое «международный терроризм»?

Ряд основных сущностных характеристик, которые свойственны внутреннему терроризму, относятся и к терроризму международному. Зафиксируем разделение терминов и понятий «международный террор» и «международный терроризм»; заметим, что «международный терроризм» — это ответная реакция «слабых» на «международный террор» «сильных»; что «международный терроризм», как и «международный террор», основан на насилии или угрозе применения насилия, вызывающих устрашение, что это насилие, как правило, бывает незаконным; что в обоих случаях насилие является тем не менее мотивированным, то есть имеет свои причины. И так далее.

Главное отличие «международного терроризма» — его глобальность. «Международным» терроризм становится с того момента, когда он выходит за внутренние рамки своего государства, распространяется более чем на одну страну и наносит ущерб безопасности международного сообщества.

Таким образом, базируясь на всем вышесказанном, можно предложить рабочее развернутое определение международного терроризма: международный терроризм — это мотивированные незаконные ответные насильственные действия (их организация или содействие им, в том числе путем финансирования или кадровой поддержки), осуществляемые представителями одного или нескольких государств против другого или других государств, имеющие первой целью устрашение отдельных лиц, групп людей или всего населения с тем, чтобы достигнуть определенных идеологических, религиозных, национальных, экономических, политических или социальных результатов в свою пользу.

Заметим: террор и терроризм — «зеркальные» явления; одно предопределяет другое. Там, где есть террор, неизбежно возникает терроризм. И наоборот.

Террор и терроризм, конечно же, зло. Но случается, что в какой-то момент насилие становится неизбежным как метод разрешения предельно конфликтной ситуации силой из-за того, что эту ситуацию не удалось урегулировать на основе разума. Логика насилия одинакова с обеих сторон: там, где зло (понимаемое одной стороной как именно зло, а другой — как добро) нельзя устранить иначе, как уничтожив его носителя или подчинив себе его волю, там насилие признается естественным и справедливым. «Кто не с нами, тот против нас», «Если враг не сдается, его уничтожают». Эти девизы существуют тысячи лет.

Но если насилие все же признается в качестве способа выхода из предельно конфликтных ситуаций, то право на насилие справедливо признать за обеими сторонами. Принципиальнейший момент! Тот, кто осуществляет террор, должен сознавать, что на его силу будет ответ, и это тоже будет сила под названием «терроризм». Международный

террор порождает международный терроризм. В какой форме происходит ответная реакция — другой вопрос. «Слабый» не имеет, как правило, тех возможностей, которые есть у «сильного»; он дерется всеми доступными ему, часто самыми примитивными средствами, самыми жестокими способами.

Но «слабый» стремится обрести силу. В век науки и техники это не так уж и трудно. Сегодня дело не только в деньгах, не только в том, у кого их больше. Сейчас главное богатство — знания, новые технологии. Террористы рвутся к овладению ядерным и биологическим оружием. Американские спецслужбы, утверждает пресс-секретарь МАГАТЭ Дэвид Кид, «склонны верить в то, что бен Ладен располагает радиоактивными или ядерными материалами».

Британская газета «Санди тайме» сообщила, что бен Ладен как минимум дважды пытался приобрести обогащенный уран, который является одним из важнейших компонентов для создания ядерной бомбы.

После взятия Северным альянсом Кабула в одном из бывших штабов «Аль-Каиды» были обнаружены документы, содержавшие данные об изготовлении ядерного оружия. Найденные бумаги также содержат инструкции по изготовлению биологического яда рицин, чертежи взрывных устройств и детонаторов.

Террористы заставляют работать на себя некоторых крупных ученых. Крадут и покупают новые технологии. Известно, например, что бен Ладен владеет одной из самых современных компьютерных программ, разработанных в Великобритании. Она позволила ему за считанные секунды снять свои деньги со счетов европейских банков и, как говорят, перевести их в Китай.

Иногда противодействие оказывается многократно сильнее действия. Например, социальная революция, которая крушит на своем пути все и вся, тормозя естественную эволюцию на долгие времена, от чего страдают в конце концов обе стороны. «Кто сеет ветер, пожнет бурю». Об этом должны помнить те, в чьих руках рычаги террора.

Кто такие «террористы»?

Террорист — это физическое лицо, группа лиц или организация, реализующие на практике или организующие террор и терроризм как внутренний, так и международный. Террорист — это субъект незаконного насилия, это понятие, принадлежащее одновременно террору и терроризму, по существу, объединяющее их. В чем и проявляется «ядро» сущности, которое делает их своего рода «сиамскими близнецами».

В нынешних условиях ряды террористов быстро пополняются. У этого есть свои причины.

Разрушение старых глобальных и региональных структур

международной безопасности, присущих прошлому биполярному миропорядку, в ряде случаев сопровождается расшатыванием, развалом государственных образований. Мир вошел во временной промежуток крайней нестабильности, неопределенности, пониженной безопасности. Механизмы контроля, в том числе со стороны международных организаций, за происходящими в мире процессами все чаще дают сбой, их место пытаются занять силы, которые хотели бы использовать фактор нестабильности для ускоренного решения своих собственных, подчас деструктивных задач. И поскольку подобных геополитических пустот, в том числе в силовой сфере, в мире появляется все больше, эти зоны, а также социальные закоулки становятся объектом пристального внимания и приложения политики со стороны международного террора и терроризма.

Развал прежнего и установление нового миропорядка внесли серьезную сумятицу не только в международную безопасность и ее структуры, но и в умы людей, разметали прошлые системы ценностей и не создали новых.

Переходный период посеял иллюзии легкого достижения собственных целей (и легкого отмщения врагу) с использованием средств и методов, которые могут быть охарактеризованы как международный терроризм. Он создал касту авантюристов, паразитирующих на мировом беспорядке и своей востребованности им. Передел мира сопровождается всплеском сепаратизма и ответных жестких мер по его подавлению. Мировое сообщество дезориентировано и поливает разгорающиеся тут и там региональные и локальные конфликты взрывоопасной смесью из показного гуманизма и явно избыточного силового давления.

Существенная проблема переходного миропорядка — резкий всплеск политики двойных стандартов, когда в зависимости от политической конъюнктуры террористы по воле имиджмейкеров превращаются в борцов за свободу, со всеми вытекающими последствиями для их идеологической, экономической, дипломатической, военной подпитки извне. К сожалению, сегодня очень многие не хотят понимать, что заигрывание с международными террористами, попытки использовать террор и терроризм в собственных интересах чреваты серьезными проблемами в перспективе. США, например, — «враг № 1» для ряда движений, в прошлом выпестованных американцами.

Кроме политического аспекта в вопросах международного террора и международного терроризма явно просматривается экономический план. Международный терроризм ныне, как и любая война, — это еще и бизнес. Общий «бюджет терроризма» в мире сегодня составляет, по разным оценкам, до 20 млрд. долл. в год. Терроризм превратился в крайне выгодный бизнес глобального масштаба, в особый «узаконенный» вид деятельности с развитым «рынком труда и приложения капитала». Между различными террористическими организациями созданы тесные связи, имеющие под собой идеологическую, религиозную, военно-практическую и другие основы. Налажено взаимодействие различных террористических организаций в

снабжении вооружениями и спецсредствами, обеспечении прикрытия, разделении функций в ходе осуществления тех или иных операций и действий более широкого военного и военно-политического спектра. Происходит масштабный перелив вооружений и спецтехники посредством нелегальных поставок, переток боевиков, осуществление их подготовки в спецлагерях, обмен опытом и т. д. Многократно возросла оснащенность международного терроризма самыми современными средствами, включая информационные, и, соответственно, возможность нанесения непоправимого ущерба миропорядку, международной стабильности. Сегодня на «серый» и «черный» экспорт вооружений приходится более 1/10 мирового экспорта оружия. Например, в ходе войн на территории бывшей СФРЮ хорватским, мусульманским, албанским силам, в основном нелегально, поставлялось вооружений на сумму не менее 2 млрд. долл. в год.

Но было бы большим упрощением и ошибкой считать террористами лишь всякого рода авантюристов, амбициозные личности, наемников, «камикадзе» и т. п. Не следует уподобляться советской пропаганде, представлявшей народу национал-социалистов и Гитлера как собрание недоумков и психически ненормальных людей. Сегодня известно, что среди них было немало талантливых и умных, совершенно здоровых психически людей. Другое дело — их мировоззрение, их сознание, мораль, их понимание добра и зла. Это были фанатики, люди, одержимые идеей мирового господства. Говорить об их ненормальности можно лишь в этом смысле. И только тогда состояние их сознания можно принять за умопомешательство. Стоит напомнить, как далеко оно зашло.

Приведу некоторые выдержки из двух книг Г.Раушнинга, который был советником Гитлера и входил в его ближайшее окружение, но потом порвал с фашизмом и эмигрировал из Германии, опубликовав в Англии две книги воспоминаний «Зверь из бездны» (1940 г.) и «Говорит Гитлер» (1941 г.). Эти высказывания о методах борьбы за мировое господство и том оружии, которое собирался использовать Гитлер, интересны не только сами по себе, ибо книги эти на русский язык не переведены. Любопытно, что они во многом совпадают с нынешними заявлениями бен Ладена, а также (по общему смыслу и духу) высказываниями руководителя ЦРУ США в послевоенные годы XX столетия А.Даллеса относительно методов борьбы с СССР, которые известны специалистам по холодной войне.

В узком кругу приближенных еще в последний год борьбы за власть и в первые два года господства национал-социализма (1933-1934 гг.) Гитлер рассуждал о будущей войне таким образом^[8]

«Я не испытываю угрызений совести и возьму то оружие, которое мне нужно. Новые отравляющие газы ужасны. Но нет никакого различия между медленной смертью за колючей проволокой и предсмертными мучениями пораженных газом или бактериями... Мы будем ослаблять физическое здоровье нашего противника, так же как мы ослабляем морально его волю к сопротивлению. Я думаю, впрочем, что у бактериологического оружия есть будущее. Мы еще не так далеко

продвинулись, но уже производятся опыты. Я слышал, что они проходят успешно. Но применение этого оружия ограничено. Его значение — в истощении противника до войны. Наша основная война, впрочем, должна закончиться еще до начала военных действий. Я считаю: мы победим таким образом враждебную Англию. Или Америку».

На вопрос, как же заразить население других стран в мирное время, Гитлер отвечал: «С помощью агентов, безобидных туристов, это все еще самое надежное средство, единственно действенное в настоящее время. Пройдет несколько недель, если не больше, пока размеры эпидемии станут заметны. Очевидно, бактерии могут применяться и в разгар войны, а именно когда сопротивление противника пошатнется».

Гитлер подробно говорил об основах своей военной стратегии, создании в тех странах, которые он хотел захватить, «пятой колонны». «Мы находим таких людей, мы находим их в любой стране. Нам не приходится их покупать. Они приходят сами по себе. Их толкают к нам честолюбие и слепота, невежество и внутривластные склоны... У нас будет достаточно добровольцев, таких как наши штурмовики, — молчаливых и готовых к самопожертвованию. Мы перебросим их через границу в мирное время. Конечно, никто из них ничем не будет отличаться от обычного туриста... Возможно, мы высадимся на аэродромах. Мы будем перевозить по воздуху не только бойцов, но и вооружение. Наша стратегия — уничтожить врага изнутри, чтобы он сам себя побеждал».

«Враждебный народ должен быть деморализован и готов к капитуляции, его следует психологически вынудить к пассивности, и только потом можно думать о военных действиях. Как достичь моральной победы над противником еще до войны? — вопрошал Гитлер. — Во вражеской стране у нас повсюду есть друзья, которые помогут нам... Смятение, внутренняя борьба, нерешительность, панический страх — вот наше оружие».

Может, этот «положительный опыт» (с учетом совершенных Гитлером ошибок) пытаются использовать сегодня международный терроризм и организаторы международного террора?..

Сегодня мир как «сверху», со стороны власти, так и «снизу» терзают люди подобного толка. Всех их, несмотря на множество различий, можно определить одним общим словом — «фундаменталисты». Люди, уверовавшие в то, что они нашли «философский камень», ту фундаментальную истину, знание которой позволяет им гарантированно решить все задачи общественной жизни лучшим образом. Фундаменталисты мнят себя избранной частью народа, призванной осчастливить «других» и «остальных». Они не могут допустить мысли о равноправии многих истин в пределах нашего знания (а можно сказать, и «незнания») об обществе. Они нетерпимы к инакомыслию. В этом и состоит их ограниченность, опасность для других, а в конце концов и для самих себя.

Эту ключевую мысль важно осознать: любой фундаментализм (религиозный, идеологический, политический, национальный, экономический, рыночный и т. д.) есть свидетельство ограниченности. Любой фундаменталист — существо по определению ограниченное, само себя избравшее в качестве слепого орудия осуществления овладевшей им идеи или веры. И чем умнее это существо, чем сильнее его воля, чем выше его власть, тем масштабнее и страшнее последствия его действий. В основе своей все существа данной категории — это «камикадзе», не важно, куда их посадили: в торпеду, самолет, министерское, премьерское или президентское кресло. Безмерная одержимость, фанатизм (суть крайний фундаментализм) лишают их той части рассудка, который отвечает за последствия действий.

Радикализм, крайняя предвзятость в интерпретации реальных фактов, утрата обратной связи («снизу») и, как результат, неспособность воспринимать действительность, подвергать анализу последствия своих собственных решений и действий — это своего рода психопатическое состояние, которое можно назвать социальной паранойей. Иррациональное, разрушительное в своей основе поведение, скажем, наших властей в недавнем прошлом, а во многом и сегодня, основывается на их глубокой убежденности в своей правоте, единственности представляемой ими картине мира и ситуации в стране. Все суждения, противоречащие их взглядам, объявляются либо устаревшими, либо ложными, либо просто враждебными.

Возьмите команду реформаторов во главе с бывшим президентом страны Ельциным. Не будем рассуждать сейчас об уровне их интеллекта и профессионализма. Будем думать даже, что каждый из них в меру своего ума, полномочий и конкретных целей стремился ко всеобщему, а не только личному благу. А в общем и целом — развалили страну. Получилось всеобщее зло. Почему? Это была команда одержимых, фанатичных людей. Команда людей, свято и слепо, безраздельно веривших в идею Рынка. В его всеисие и всемогущество. Команда фундаменталистов. То есть людей ограниченных. Чрезвычайно ограниченных, «упертых».

Ибо если бы они не были таковыми, то прислушались бы к мнению уж если не отечественных ученых и трезвых политиков, то хотя бы к тому, что говорят о рынке и капитализме многие знаменитые западные ученые-теоретики — Дракер, Туроу, Хантингтон, Мидоузы, Вайцеккер и другие, бывший вице-президент США А.Гор, один из богатейших людей мира, капиталист до мозга костей Д.Сорос. Все они твердят о кризисе «развитого мира», признаются, что не знают толком, куда и как этому миру и всему человечеству идти дальше. Но они сознают: то, что выдается за «универсализм» и «интересы мирового сообщества», на самом деле является империализмом, отражает интересы главным образом США.

«Капитализм, опирающийся исключительно на рыночные силы, — пишет Д.Сорос, — представляет опасность открытому обществу. Центральное утверждение моей книги состоит в том, что рыночный фундаментализм представляет сегодня большую опасность для

открытого общества, чем тоталитарная идеология»[\[9\]](#).

Фундаментализм находит себе пристанище в умах пылких, но ограниченных. Фундаменталист в экономике, политике, религии, в любом деле — это террорист.

Почему террористы атаковали США?

В данной книге это, пожалуй, главный вопрос. Рвануло в Америке, а вздрогнул и дрожит весь мир. Америка бомбит Афганистан, но все готовы к тому, что завтра она начнет бомбить их. США уже много лет назад объявили странами-изгоями Афганистан, Иран, Ирак, Саудовскую Аравию, Судан, Сирию, Кубу. Операция в Афганистане в разгаре. После 11 сентября США расширили список стран, на территории которых действуют террористические организации, представляющие угрозу интересам США. Этот список включает около 60 государств. США фактически заявили, что любое из них может стать мишенью для грядущего удара... Ситуация, прямо скажем, жутковатая. Кто осуществляет международный террор, а кто терроризируемый в этом мире? Бен Ладен или США?

Конечно, если за точку отсчета в хронике международного терроризма принять трагическую дату 11 сентября 2001 года, то «террористом № 1», конечно же, является бен Ладен. Но разве в тот день началась история международного терроризма? Разве не США вырастили и выучили бен Ладена и множество ему подобных?.. Почему бен Ладен отвернулся от своих учителей? Почему стал их заклятым врагом и уже давно воюет с Америкой? Почему? На эти вопросы, наверное, можно найти частные, конкретные ответы. Но дело не в бен Ладене. Возможно, его даже поймают или убьют. И что? Международный терроризм этим не закончится.

На телеканале Fox TV в США есть программа «10 наиболее разыскиваемых». За полвека (!) существования программы в разряде «top-Ю» побывали 456 человек, из которых 437 удалось задержать. Программу тем не менее не закрыли. Ибо список этот все время пополняется. Одни исчезают, появляются другие. Были Дональд Веббу, Джеймс Копп, Артур Ли, Гарри Боумен и другие, теперь этот список возглавляет бен Ладен. Черета этих перемен может быть бесконечной, если бороться только с террористами, а не с терроризмом как процессом и явлением. Ответ на вопрос «почему?» надо искать не внутри самого международного терроризма, а за его пределами.

В науке есть принцип дополнительности, суть которого в том, что если то или иное явление, процесс или вещь оказываются необъяснимыми в первом окружении, с традиционной точки зрения, то надо расширить контекст, изменить угол или «высоту» взгляда, посмотреть на объект познания в более широком плане, найти нетрадиционный подход к его изучению. Трудно осознать, если не подняться в космос, что планета Земля на самом деле очень маленькая. Оказавшись на околоземной орбите, Ю.Гагарин понял это мгновенно и воскликнул: «Как красива

Земля!.. И какая же она маленькая!».

Сегодня многие говорят о выдающейся роли США в порождении международного терроризма. Многие, но далеко не все. Тем более не сами США и их союзники. А ведь именно в этом направлении и надо искать ответ на многие «почему?..».

Бывший руководитель подразделения КГБ СССР по борьбе с терроризмом В.Луценко пишет: «В 1992 году мы с американцами собрались в Центре по борьбе с терроризмом в США. И сильно удивились, что, оказывается, нет самого определения терроризма. С чем бороться-то? Тогда мы выработали такую формулировку: «Терроризм есть политически мотивированное применение или угроза применения крайних форм насилия против невоюющей стороны»[\[10\]](#).

Лукавое определение!.. И дело не в том, что в нем упущены многие существенные стороны такого сложного явления, как международный терроризм. Главный подвох скрыт в словосочетании «невоюющая сторона». Всего два слова, но какой простор для демагогии открывают они! Представьте: живет себе процветающая страна по имени Америка — оплот свободы и демократии, мира и международной безопасности, заботится о слабых и беззащитных — и вдруг ни с того ни с сего в разных странах начинают взрывать ее посольства и корабли, и вот -11 сентября... «За что?!.. Мы же никого не задеваем, ни с кем не воюем»...

В этом случае бен Ладен и международный терроризм — агрессоры, т. е. стороны, которые нападают первыми на безвинную страну, убивают тысячи безвинных людей. В этом случае действия нападающей стороны выглядят как безусловное Зло, а вступившая с ним в борьбу Америка — как носитель абсолютного Добра.

То, что международный терроризм — зло, что 11 сентября террористы совершили тягчайшее уголовное преступление, что организаторы этого теракта должны быть пойманы, судимы и наказаны самым суровым образом, несомненно. Но если мы ищем не только «террориста № 1», но еще и истину, то не можем ограничиться таким выводом и этими мерами. В понимании добра и зла все зависит от того, кто и как смотрит на одно и то же явление или деяние.

В своих собственных глазах США и их союзники выглядят гарантом Порядка, Мира и Спокойствия на планете. Это правда, но лишь в какой-то определенной мере. В какой — тема отдельного разговора. Сейчас разберемся в вопросе, являются ли США «невоюющей стороной» и в самом деле. Возможно ли, чтобы страна, решившая установить «новый мировой порядок», перекроить мир, построить мировую империю и властвовать ею, обошлась без насилия, без войны? Что за чудо вдруг случилось в мире: прежде — во все века — все империи устанавливались многолетними и кровопролитными войнами, а тут ни с того ни с сего все страны мира безропотно и покорно приняли волю США и добровольно отдали себя в управление им? Нет же! Ничего подобного не происходит. В разной мере и по-разному все страны, пожалуй, за исключением Англии, сопротивляются насилию, а

США (опять же с разной силой на разные страны) год за годом давят, давят, давят... И это насилие, это давление есть не что иное, как война нового типа, основанная на новой концепции войны и новых средствах ее ведения. Подробно говорить об этом сейчас не место. (Теме «Новая эпоха — новые войны» было посвящено заседание Русского интеллектуального клуба в марте 2000 года. По его итогам вышла книга, с которой желающие могут познакомиться.)

Сегодня США в гораздо большей степени — источник беспорядка, опасности, страха. Ибо это сторона, воюющая практически со всем миром, во всяком случае, с его «слабой» частью за свое право доминировать везде, всюду и во всем в своих национальных интересах. Место человека-тирана (фараона, короля, царя, императора) заняла страна-тиран. Речь идет о борьбе за власть не одного человека в одной стране, а группы стран во всем мире. Речь идет о терроре как одной из важнейших форм войны, как об инструменте управления миром (в перспективе) и покорения мира (в данный момент). Террористы хотят утратить мир, чтобы народы и страны стали вести себя послушно, покорно их воле. «Винными» будут признаны все (народы, страны и их руководители), кто встанет на пути террористов к их цели — мировому господству.

Что является движущей силой международного террора? Болезненный симбиоз мании власти и мании превосходства, которые и находят выражение в идее мирового господства.

Речь идет об управлении миром не просто в организационном, политическом смысле. Речь идет о новом мировом экономическом порядке, о новой мировой системе универсальных духовных и нравственных ценностей. Иначе говоря, международный террор имеет свое идеологическое обоснование, в котором политические идеи причудливо перемешаны с религиозными, этническими. Речь идет о мировоззренческом, идеологическом терроре и ответной реакции того же характера со стороны международного терроризма. Образ «врага» сегодня настолько размыт, что он чудится всюду и — самое главное! — всюду находится. Сегодня из продолжения политики террор превратился в саму политику, стал ее сутью. Из спутника войны — стал самой войной, одной из ее главных форм. На стадии идущей уже многие годы необъявленной, тайной войны — главной формой.

Сегодня объектом террора «сверху — вниз» стали не подданные собственной страны, а правители и правительства, народы многих стран мира. Сегодня террор, когда-то вершившийся из-за страха за свою шкуру, стал террором, творимым из чувства превосходства, честолюбия и уверенности в том, что тиран владеет единственной истиной и ключами от счастья всего человечества. Сегодня тирания стала выступать под сенью международного права, под флагом борьбы за свободу, демократию и справедливость. Сегодня деспотизм, по сути дела, отменил международное право, политика стала твориться «по понятиям» очередного американского президента.

США уже плюют на резолюции ООН, на мнения других стран и

подписанные договора, как это было с Россией в канун и в ходе бомбардировки Югославии. США и их союзники по НАТО теперь сами решают, кого, когда и как наказать. Сегодня миру с белозубой американской улыбкой от уха до уха говорят: «Повинуйтесь! Скрежещите зубами, стенайте и плачьте, но- повинуйтесь! Мы несем вам свободу и радость. Ах, вам не нравится предлагаемый образ жизни? У вас есть свои представления о счастье? О'кей. Но дело в том, что вы думаете и живете неправильно!.. Повинуйтесь!»

И в самом деле, сегодня США — это единственная в мире сверхдержава с самой мощной экономикой и самыми могучими вооруженными силами. Более того, она — лидер западных, развитых стран. Они и хотят вершить судьбы постиндустриального общества в XXI веке. Как будет выглядеть это общество, уже ясно и сейчас. Отсюда, собственно говоря, и берет начало проблема «мирового терроризма». Но нелишне пофантазировать, как будет оно выглядеть через 10-20 лет дальше...

Пирамида власти и управления миром уже обозначилась: «семерка» ведущих стран, во главе которых стоят США; затем группа европейских стран калибром помельче и послабее с общим населением примерно в миллиард человек. Так называемый «золотой миллиард». «Сверхобщество». А дальше собственно общество, собственно человечество — ныне пять шестых, а вскоре девять десятых населения планеты. «Остальной мир». Рынок товаров и труда. Поставщик сырья и «мозгов». Места отдыха, «дикой охоты» и разного рода развлечений.

Если вдуматься, то современный мир начинает все больше напоминать собой Древнюю Спарту, в которой 20 тысяч хорошо обученных войне спартанцев управляли 300 тысячами обслуживавших их бесправных, безграмотных и безоружных илотов. Мы наблюдаем начало процесса постепенного возвращения расы мировых господ и расы мировых рабов. Разумеется, на другом уровне, в других формах господства и рабства, но по существу — именно господства, именно рабства. Ведь если есть идея мирового господства или (она же, но по-другому названная) идея «нового мирового порядка», то она как само собой разумеющееся предполагает тех, над кем это господство будет осуществляться, где этот «новый порядок» надо будет устанавливать. Зачем лукавить? Ясно также, что господа всегда и неизбежно будут составлять подавляющее меньшинство, а управляемые всегда и неизбежно — подавляющее большинство, «массу».

Но вот какая штука: «остальной мир» — это совсем не «масса».

Это огромные страны и государства — Россия, Китай, страны Востока, Африки, Латинской Америки. Им-то и говорят: «Повинуйтесь!» Говорят на англо-американском языке. Говорят США, которые считают себя поборником свободы, образцом западной демократии, хранителем универсальных западных ценностей, лидером новой, самой передовой цивилизации, которой якобы принадлежит будущее.

Беда для человечества, однако, не в том, что Америка воображает о

себе слишком много, а в том, что это государство силой навязывает миру свои взгляды и свой образ жизни, что оно объявило зоной своих национальных интересов не только всю планету Земля, но и все околоземное пространство. И что же из этого выходит в итоге? Как уже говорилось, международный террор «сверху». Насилие. Насилие незаконное. Насилие систематическое. Насилие повсеместное и всеобъемлющее. Насилие с целью господства. Насилие, которое сеет страх и ужас, боль, страдания и кровь, как это было в Ираке и Югославии, как это происходит сейчас в Афганистане. И это, по сути дела, вовсе не «возмездие», а очередной акт террора. Международный террор сеет страх, порождает такую ситуацию, когда никто в мире не может чувствовать себя в безопасности. Потому и существует мнение, что США — страна-экстремист, страна-агрессор, страна-полицейский, страна-террорист. Номер один. Первопричина зла.

Потому террористы и атаковали именно США, а не Берн, Вену, Токио или Дели, скажем.

Кто атаковал США?

Наивно думать, что «остальной мир» будет долго мириться с такой ситуацией. Восстают, как известно из истории, даже рабы. Но пока еще «остальной мир» далек от рабского положения. И прежде всего потому, что у каждого народа есть своя система ценностей, свои представления о том, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Одним словом, у каждого народа — своя культура. «Старая», но — великая, проникшая в кровь и поры поколений. Свои взгляды на настоящее и будущее эти народы привыкли определять, отталкиваясь от истории своих предков, своей религии, своего языка, своих традиций и обычаев. Страны Востока, Китай, Россия — это воплощение великих культурных традиций, история которых (особенно Китая и Востока) исчисляется тысячелетиями. Народы этих стран гордятся своей историей и культурой. У них есть свои амбиции, свой взгляд на будущее; они (не без оснований) думают, что их могущество и роль в этом будущем будут возрастать. А им говорят: «Мир становится единым. Поэтому нужны единые, универсальные ценности, нужен общий, «главный» язык — английский. Национальное и вообще история сегодня не так важны; главное — интернациональное. Иначе единой мировой экономики не создашь, материальный рост замедлится, а то и остановится, а это опять-таки — главное. Глобализация!». И так далее, и все в этом роде.

Действие вызывает противодействие. У «остального мира» и в отдельных странах возникает вполне естественная мысль о сопротивлении, хотя ясно, что силы не равны: ни финансами, ни (особенно) военным потенциалом «развитый мир» и «остальной мир», тем более его отдельные страны равняться не могут. Тогда каждый выбирает для себя ту форму сопротивления, на которую он способен. И если схватка в открытом бою, как говорится, «лоб в лоб» для многих невозможна, остается война скрытая, партизанская, в которой теракты и диверсии, по сути дела, являются единственным способом. Превращенные в систему, они и становятся явлением с суффиксом

«изм» — терроризм. Став повсеместным, общепланетарным, это явление приобретает определение «международный», терроризм «снизу» — со стороны тех, кого хотят подчинить, покорить, кем хотят управлять, но кто не хочет покоряться, является более слабым, но вовсе не бессильным.

Когда мировой терроризм вступил в новую, вторую фазу своего развития? Я думаю, что уже в конце 80-х годов, когда Западу стало ясно, что СССР, точнее, коммунизм, практически повержен, когда Рейган и Тэтчер пошли на него в последнюю атаку. Тогда окончательно восторжествовал либерализм, а точнее — «рыночный фундаментализм, ставший господствующей идеологией Запада» (Д.Сорос). Тогда появилась знаменитая статья Ф.Фукуямы «Конец истории» — «конец» в том смысле, что никакой альтернативы, кроме либерализма, у человечества отныне нет и ему ничего не остается как только следовать этим путем. То есть американским путем, ибо США являются родиной этой воплощенной в реальность идеологии.

«Остальной мир» стал ощутимо чувствовать «атаки» США с момента, когда в 1991 году Д.Буш-старший провозгласил идею необходимости установления «нового мирового порядка». Это ощущение еще более обострилось, когда при Б.Клинтоне США стали искусственно ускорять процесс мировой глобализации по всем линиям — в экономике, политике, геополитике (продвижение НАТО на Восток), образовании.

Хочу еще раз сказать, что я не являюсь противником либерализма как такового, но против радикал-либерализма. Мне понятна глобализация как естественный, эволюционный процесс, но я против паразитической глобализации, против искусственного ее ускорения и использования в качестве инструмента глобальной политики в интересах узкой группы стран. Я много раз бывал в США и восхищаюсь множеством великих достижений этой страны. Но я не скажу доброго слова о внешней политике США, ибо по своему глобальному замыслу, по своей сути и конечным (не промежуточным!) целям — это агрессивная политика, ведущаяся с позиций превосходства, высокомерия и силы. Любые страны, осмеливающиеся противостоять этой политике, клеймятся как нелогичные, несовременные. Истина же заключается в том, что сама американская идеология, ее рыночно-либеральный фундаментализм и нелогичны, и несовременны.

«Остальной мир» сопротивляется и будет сопротивляться рыночному фундаментализму, тому образу жизни, который выдается за «лучший» и «универсальный», потому что ему уже давно известно, что этот образ жизни не столь хорош и универсален, как об этом говорится. Более того, он таит угрозу и для самого «развитого» мира, может привести к его крушению, если он не избавится от ряда своих иллюзий и заблуждений. И прежде всего — от претензий на свое право осуществлять мировое господство.

«Остальной мир» сопротивляется экспансии «универсализма» развитых стран во главе с США и потому, что не верит в их искренность и добропорядочность. Насаждая свою идеологию развития и свой образ

жизни, США и их союзники действуют лицемерно, исповедуют двойную мораль, ведут двойную игру. Их взгляд на любое явление зависит от того, кому это выгодно. Ядерное оружие? Когда речь идет об Израиле, то они полагают, что этой стране его можно иметь. Иран, Ирак? Ни в коем случае. Расстрел взбунтовавшихся студентов в Китае — это, по их понятиям, грубое нарушение прав человека. Расстрел из танков российского Белого дома — это, по их убеждению, спасение демократии. Бомбежка Белграда и Косово — это предотвращение гуманитарной катастрофы. Чеченские террористы — «хорошие», те, что воюют против американцев и Запада, — «плохие». Операция «возмездия» в Афганистане уже породила гуманитарную катастрофу, и, надо думать, ее масштабы будут расти. Но об этом американцы молчат. Говорить об этом для них невыгодно. И так далее. Внедрение «универсальных» норм и принципов, которые не являются таковыми на самом деле, и не может происходить иначе, предполагает двойную мораль. Еще недавно Запад грозил России всевозможными санкциями из-за военной операции в Чечне, но после 11 сентября, когда терроризм стал зримой бедой и опасностью, «вдруг» скорректировал свою позицию. США признали: Россия борется в Чечне все-таки с терроризмом.

«Двойная игра» американцев в области борьбы с международным терроризмом зачастую оборачивается против них самих. Так, например, даже американская пресса отмечает, что именно правительство США стояло у истоков международного исламского терроризма, поощряя и субсидируя в 80-х годах вербовку и вооружение в мусульманских странах наемников для ведения войны в Афганистане. Теперь же бывшие афганские моджахеды составляют ядро террористических группировок, действующих на Ближнем Востоке, Филиппинах, в других регионах. Моджахеды проповедуют идеи панисламизма и рассматривают в качестве своего главного врага именно США.

11 сентября мы были свидетелями одного из наиболее жестоких для США проявлений той необъявленной войны нового типа между Западом во главе с США и «остальным миром». Сегодня в схватке сошлись два фундаментализма — западный и «остального мира». В данном случае и пока на первое место вышел исламский фундаментализм. Не случайно. Пока это самый сформировавшийся фундаментализм, изначально нацеленный против иудейско-христианской веры, которую исповедует в основном Запад. В этом смысле ислам — антизападная религия. Противоречие между исламом и христианством непримиримо. Во всяком случае, так было в прошлом. Не случайно в каждой из этих религий существуют однозначные понятия — «крестовый поход» и «джихад». В одном случае речь идет о войне до полной победы над мусульманами, в другом — над «неверными». О борьбе христиан и мусульман, о войнах, которые сопровождали их, принося успех то одной, то другой стороне на протяжении тысячи с лишним лет, мы знаем из учебников истории. Турки взяли Константинополь (1453 год), осаждали Вену (1529 и 1683 годы). Русь была под татаро-монгольским игом более 250 лет. С 1820 по 1929 год из всех войн, которые шли между государствами с различными религиями, половину составляют войны между

христианами и мусульманами.

Сегодня исламские фундаменталисты снова ставят задачу мирового господства ислама, хотят стать главной и единственной религией, в частности, построить халифат — «Соединенные Штаты Ислама» на территории между Черным и Каспийским морями. То есть, в том числе, и на территории России. Попытка начать строительство этого государства с территории Дагестана произошла два года назад.

Стоит обратить внимание на тот факт, что свою нынешнюю воинственность исламский фундаментализм обрел буквально на наших глазах, когда США объявили целый ряд арабских стран, а также Кубу и Северную Корею террористическими государствами, ввели понятие «страна-изгой» и начали проводить в их отношении политику всевозможных санкций с целью, чтобы народы этих стран сами свергли неудобные для них правительства. Но ничего подобного не происходит. Наоборот. Могущество «развитого мира», систематические бомбардировки то Ирака, то Югославии, то Афганистана, произраильская политика США вызывают у стран Ближнего Востока возмущение, страх и ненависть. Они сопротивляются, насколько это возможно, чтобы не вызвать дополнительную ярость Запада, и тайно сплачиваются. Но то, что целый ряд стран (Ирак, Иран, Ливия, Судан, Афганистан, Саудовская Аравия, Сирия) исподтишка поддерживают терроризм, говорит о многом. И сколько бы слов в осуждение терроризма не было сказано ими сейчас, в той или иной мере (и чем дальше, тем больше) они будут продолжать эту поддержку. И чем сильнее Запад будет давить на эти страны, тем прочнее будет становиться их религиозный фундаментализм, тем больше будет у него сторонников в исламском мире. Сила веры не может быть преодолена верой в силу и самой силой. Дух не подвержен физическому воздействию. Тем более дух фанатиков. Все совсем наоборот. Смертник — это существо, которое отделило свой дух от плоти, превратив тело в «умную» бомбу. Именно это мы и наблюдали 11 сентября.

Еще не возвысили голос в свою защиту бедные и зависящие от Запада Латинская Америка и Африка. Но по мере того как разрыв между богатым Севером и бедным Югом будет нарастать, этот голос будет становиться все слышнее. И только ли голос?.. Если силы сопротивления росту социальной несправедливости начнут объединяться, они из-за невозможности вести борьбу открытым способом также изберут тайные формы. И это будет международный терроризм.

Не менее, а еще более вероятно расширение масштабов международного терроризма на базе национализма. При этом я говорю и о русском революционном терроризме, который имеет богатую историю. Об этом не стоит забывать.

Известно лучшее в мировой литературе произведение на эту тему — «Бесы» Достоевского. Но реальная жизнь и до, и после великого писателя давала многочисленные примеры идеологии и практики

«бесов».

Российский анархист М.Бакунин считал, что революционер должен отождествить себя с бандитами, грабителями, всеми, кто стоит вне закона и противопоставляет себя буржуазному обществу. В письме к Нечаеву Бакунин воспевал разбойников, считая их единственными «революционерами дела», проповедовал разбой как одну из «почетнейших форм русской народной жизни». В написанной им совместно с Нечаевым листовке «Начала революции» говорилось: «Яд, нож, петля и т. п.!.. Революция все равно освящает в этой борьбе... жертвы указываются нескрываемым народным негодованием!.. Это назовут терроризмом! Этому дадут громкую кличку! Пусть, нам все равно!».

Согласно М.Бакунину, революция — это «дикий зверь», она «так же, как и военная реакция, ничего не пожалеет и не остановится ни перед чем... Не может быть революции без широкого и страстного разрушения, разрушения спасительного и плодотворного, потому что именно из него, и только посредством него, зарождаются и возникают новые миры».

Известен «Катехизис революционера», авторство которого приписывается Нечаеву. В нем формулируется отношение революционера к самому себе и к другим. «Революционер — это потерянный человек, без каких-либо интересов, привязанностей, личных связей, даже без имени. Он порвал с обществом, его законами и условностями; он должен избегать и презирать общественное мнение, быть готовым к пыткам и смерти в любое время. Он должен жить под вымышленным именем, порвать все связи с семьей и отказаться от брака, от друзей и найти себе товарищей в подпольном мире».

Сегодня люди одной крови все более сплачиваются. Русские — тоже. Хотя данное явление еще не слишком заметно, игнорировать его было бы большой ошибкой. Не только потому, что «разумный национализм» легко переходит грань и превращается в национализм безумный; что кровь — самый худший союзник истины, что самую светлую идею она доводит до ненависти. Это само по себе. Но главное даже не в этом. Фундаментализмы всех типов имеют свойство объединяться, если у них есть общий враг. А в данном случае он налицо: это США и их союзники. Главная угроза национальной безопасности России, как ни печально это сознавать, исходит от них. Этого не понимают у нас только оголтелые западники. Я делаю акцент на слове «оголтелые», потому что не отношу себя к антизападникам, но против оголтелости, утраты чувства меры в любом деле. В том числе и в отношении Запада сего, несомненно, великой культурой, множеством важных ценностей и образом жизни.

Выступать России — стране евроазиатской — против Запада глупо. Этого не следовало делать в прошлом и СССР, но на тропу открытого противоборства и войны его толкала коммунистическая идеология, претендовавшая на исключительность, превосходство и мировое господство. Сегодня у России нет никакой идеологии. В этой ситуации

равно опасным является как противостояние Западу, так и вступление с ним в безоглядный и слишком тесный союз. Ибо от «остального мира» нам таким образом не отойти: мы бедны и слабы. Мы окажемся у Западу на положении бедных родственников. За господский стол нас не пустят. Обедать нам придется на кухне. Мы будем участвовать в Общих Делах Западу. Но ничего, кроме грязной работы, нам не доверят. Западу нужна покорная Россия. Добиться нашей покорности — его цель. «Успеть вписаться в современную цивилизацию», «не выпасть из мирового процесса глобализации» — именно такими сентенциями полны ныне всевозможные «стратегии» и «доктрины», подготовленные в недрах российского правительства. Поспешать надо, но не торопясь, не суетясь. Слишком многое еще не ясно, не ясно, чем обернется глобализация, не понятно и то, что такое «современная цивилизация».

Участвовать в борьбе с мировым терроризмом Россия должна и дальше. В этом вопросе у нее уже большой опыт. Но «подставляться» террористам, по собственной глупости вызывать огонь на себя ради того, чтобы заслужить одобрительную улыбку Западу и США, она не должна ни в коем случае. Думать, что за какие-то дни мир и в самом деле изменился коренным образом, в высшей мере наивно, хотя многие политики и государственные деятели России и других стран так говорят и, возможно даже, что так и думают. Но — схлынут эмоции, и все встанет на свои места.

«Момент истины» для США.

Когда 11 сентября я наблюдал по программе CNN весь этот кошмар, то сквозь стоны жалости к погибшим у меня невольно вырывались слова: «Вот-вот!.. Для Америки наступил момент истины!» Как ни кощунственно это звучит, но я подумал: «Если завтра президент США скажет, что ему, кроме всего прочего, надо задуматься над причинами происшедшего, то данная трагедия запомнится человечеству как искупительная жертва за все ошибки прошлого ради его спасения». Память выбросила на поверхность слова из Библии: «Всему на свете свое время, всему под небесами свой час. Есть время родиться и время умирать, время сеять и время корчевать, время убивать и время лечить, время молчать и время говорить, время войне и время миру».

Вдруг да наступило время мира? Так думал я. Но другая часть моего рассудка говорила мне: «Все будет совсем наоборот: война шагнет дальше, к новому масштабу и новому этапу. Смотри и запомни: возможно, это первые мгновения пролога «горячей» мировой войны».

Так, я уверен, подумали многие в мире. И все мы, к сожалению, не ошиблись.

На следующий день президент США Д.Буш заявил: «Наступил момент действия». О моменте истины — ни слова...

Все говорят о том, что 11 сентября мир перевернулся, что начинается новая эпоха международных отношений. Похожие на это знаки подаю

и США. Но — не верится. Дело в том, что 11 сентября случилось нечто такое, к чему правительство США готовилось давно. Рассекреченный меморандум президента Клинтона от 21 июня 1995 года, адресованный 15 федеральным ведомствам, нацеливал на решительную «мобилизацию всех средств и ресурсов для защиты территории США от террористов». Меморандум фиксировал намерение США «действовать независимо от согласия иностранных властей для захвата террористических групп», базирующихся на их территории, а также «принуждать государства соответствующими мерами к сотрудничеству в борьбе с терроризмом»[\[11\]](#).

В самом начале 2000 года был сделан следующий важный шаг. Национальная комиссия по терроризму провела ревизию государственных законов, политических концепций и практической готовности общества к восприятию новых опасностей. Комиссия дала установку: «Если США намерены защитить себя и оставаться мировым лидером, то следует разработать и постоянно проводить контртеррористическую политику в соответствии с условиями быстро меняющегося мира».

Отчитываясь в июне 2000 года перед конгрессом, комиссия сформулировала новые угрозы: отныне терроризм стремится «сокрушить супердержаву на ее собственной территории», а теракты будут сопровождаться «все большим числом человеческих потерь». Прогнозируя последствия, комиссия предупредила о самой серьезной опасности: «Террористические силы готовы к действиям по подрыву конституционного строя США».

Исходя из этого, в докладе уже тогда прогнозировались события, похожие на те, которым было суждено свершиться через год. Эксперты опасались, что террористы, которые уже делали попытки взорвать Всемирный торговый центр (6 погибших и 1000 раненых), не оставили намерений полностью разрушить здания-близнецы, чтобы произвести максимальный психологический эффект, вызвать тысячи жертв и дезорганизовать инфраструктуру Нью-Йорка. В качестве возможных организаторов назывались бен Ладен и «Аль-Каида». Намечался и главный объект возмездия — Афганистан.

В январе 2001 года появляется явно носящий предвоенный характер оперативный межведомственный план действий по борьбе с терроризмом на территории США (CONPLAN). Характерно, что за рамками разрабатываемых планов практически остались как ООН, так и НАТО. Америка сочла борьбу с терроризмом сугубо национальным делом, в котором все решения она принимает только сама и привлекает партнеров выборочно, под конкретные задачи.

Итак, Америка долго готовилась ответить на теракты, думала о том, как переделать мир с помощью глобальной антитеррористической стратегии. В планы не входило, на наш взгляд, главное: как переделать свою внешнюю политику, умерить свои геополитические аппетиты. Иначе говоря, США были заняты сугубо тактическими проблемами (как победить международный терроризм, ничем не поступаясь самим),

тогда как проблема давно переросла пределы тактики и стала вопросом стратегическим, для решения которого необходима совершенно иная парадигма мирового развития, принципиально иной, глобальный подход. Одна страна может породить глобальную проблему, какой стал международный терроризм, но решить ее в одиночку она не способна. В этом весь парадокс ситуации. Международный терроризм может быть устранен лишь общими действиями всех стран на основе добровольного согласия участвовать в этой борьбе. А это означает необходимость придания международным отношениям иной конфигурации, недопустимость в них насилия и принуждения, которые присущи им сегодня. Не силу оружия следует противопоставлять международному терроризму, порождая все новые и новые жертвы с обеих сторон, а мудрость политики. Как заметил Отто Бисмарк, сила радикалов состоит «совсем не в крайних идеях их вожаков, а в той доле умеренных требований, которые своевременно не были удовлетворены».

Я начал рассуждать на тему «момент истины для США» и ловлю себя на мысли, что это выглядит весьма забавно и глупо. Слишком она сложна, эта тема. Но дело не только в этом. Истину должна искать сама Америка. Никто другой сделать этого не сможет, даже если захочет. Не должен делать. Истину признают лишь тогда, когда в ней возникает нужда. Нужна ли истина Америке? Вот первый моменте «момента истины». Если ответ на этот вопрос был бы положительным, то уже одно это могло вдохновить мир и поселить в нем уверенность, что лед тронулся и дела пойдут к лучшему. Поиск истины иногда не менее важен, чем сама истина. Но пока шагов в эту сторону я не вижу.

Начатая в Афганистане акция получила статус большой и долгой войны, планируемой на десятилетия вперед. Буш заявил, что приобретаемый опыт будет использован в других регионах мира. Война для Америки — средство, чтобы переделать мир. А саму себя?.. В одном из обращений к нации Буш призвал американцев двигаться дальше, чтобы наглядно «показать всему миру, на что способна Америка».

Формируя альянс в борьбе с мировым терроризмом, президент США Д.Буш бросил лозунг, который десятилетиями использовали еще террористы конца XIX века: «Кто не с нами, тот против нас». Наверное, истина видится Д.Бушу в этой формуле, которая сама по себе уже является объявлением войны. Очень грубая, очень плохая политика. Что ж, многими людьми истина изговливается сообразно их выгоде. Что выгодно, то и истинно. Искать истину — адский труд; но и найдя ее, от труда не избавишься: теперь ради истины надо переделывать себя. Зачем? Сила есть, ума не надо. Власть позволяет придать статус истины даже глупости и наивности, которые никто не понимает, но все им верят. Так мы живем столетиями. Но вот лимиты на лицемерие и ложь исчерпаны. Мир стал настолько сложен, противоречив и конфликтен, угроза «конца света» столь велика, что разрешить все проблемы только с помощью силы невозможно. Это понимал поэт Гораций и великий завоеватель император Наполеон, чьи высказывания

я вынес в самое начало книги.

И все-таки не удержусь, скажу еще несколько слов по поводу «момента истины для США». Потому что это момент истины и для всего мира, а значит, и для меня лично.

Если все-таки браться за ее поиск, то я бы стал исходить из представления, что истина — это то, что упрощает ситуацию в мире, тогда как ложь и лицемерие ее усложняют и сеют хаос. Л.Н.Толстой, написавший бессмертный роман «Война и мир», говорил: «Величайшие истины — самые простые». Мне кажется, что если из словосочетания «война и мир» вычесть слово «война», то это и будет искомая истина. Мир. Момент истины в противоборстве США с «остальным миром» состоит в том, чтобы умиротворить себя, умерить свои аппетиты и амбиции, стать для мира «добрым дядей Сэмом» и так далее и тому подобное. Переосмыслить себя. Переопределить смысл своего существования в мире, перенацелить свою внешнюю политику. И тогда — как повелевает один из основных тезисов либерализма — пусть растет, что может расти. Разные расы. Разные народы. Разные культуры. Разные общества. И ничего универсального, обязательного для всех. И ничего «самого лучшего» и «единственно верного». На тропе войны победы для США не будет. Выигрыши частных сражений еще ничего не значат. Надо видеть: не менее быстро, чем темпы глобализации, растут ряды антиглобалистов. В том числе внутри «золотого миллиарда». И они объединятся с «остальным миром» рано или поздно. Это надо бы понять.

Вообще, я думаю, человечество ждет появление труда (не важно, научного или художественного) с названием «Мир и война». Его отличие от произведения Л.Н.Толстого могло бы заключаться в том, что на первом плане были бы люди, живущие не в обстановке войны с мечтами о мире, а люди, живущие и страдающие в условиях мира, которых война не коснулась, которые не знают, что это такое, которые не являются героями. Жизнь негероических людей — возможно ли это когда-нибудь? В принципе, наверное, да. Не случайно же в Севильской декларации о насилии (Перу, 1986 г.), написанной учеными из разных стран мира, справедливо говорится о том, что война не обусловлена генами, «неуравновешенностью сознания», «человеческой природы» или «инстинктов», а является социальным изобретением; при этом «род, который изобрел войну, способен изобрести мир».

В философии уже давно не отождествляют силу с насилием. Складывается интеллектуальная традиция ненасилия (М.Ганди, М.Л.Кинг и др.). В рамках философии политики вырабатывается взгляд, согласно которому сотрудничество с населением является более существенным и важным для политической власти, чем даже легитимное насилие, не говоря уж о насилии незаконном. Уже почти восемь лет ЮНЕСКО реализует программу «Культура мира» (ее автор Ф.Майор, бывший Генеральный директор ЮНЕСКО), смысл которой состоит в том, чтобы заменить «культуру» войны культурой мира^[12].

Сознавая все это, «остальной мир», Россия, как его часть, должны

объединяться. Запад должен чувствовать силу противостояния и противодействия, ясно видеть границы и пределы своих национальных и глобализаторских интересов, своего нахальства. Внутри «остального мира» должны существовать Союзы, Договоры, Пакты и разного рода политические и военные организации, умиряющие амбиции НАТО, за чьими плечами маячит фигура США. Не объявленная,¹ но идущая мировая война нового типа имеет своей целью не просто завоевание географических пространств, сырьевых ресурсов, рынка товаров и рабочей силы, а завоевание такого господствующего положения в мире, которое позволит переопределить, перенацелить эволюцию всего человечества на основе «новых» западных ценностей, которые не по вкусу многим. Это война не на годы и десятилетия. Это война на века. Пока мы находимся в самом ее начале. Мне кажется, что многое еще можно поправить.

О виновности и ответственности террористов

Терроризм, хоть внутренний, хоть международный, является преступлением. Отнесение актов терроризма к уголовным деяниям в полной мере справедливо. Террорист, будь то физическое лицо или организация, в том случае, когда его вина доказана, осуждается, наказывается вплоть до физического уничтожения.

Такой подход действует, пока речь идет о терроризме. И практически перестает действовать, когда это касается террора. Известны случаи привлечения к ответственности лидеров некоторых государств за репрессии в отношении своих народов. На нашей памяти неудавшаяся попытка привлечь к суду чилийского диктатора Пиночета. Препровожден в Международный трибунал бывший президент Югославии С. Милошевич за якобы осуществлявшийся им геноцид в отношении албанцев. Не год и не два в России муссировалась идея о привлечении Б.Ельцина к ответственности за развал страны и связанные с этим трагические последствия для миллионов российских граждан.

Разговор сейчас, однако, не о конкретных лицах и фактах, а опять-таки о терроре и терроризме как явлениях.

Помню, в газете говорилось о том, что один офицер российской армии на танке приехал к управе какого-то небольшого городка и стал угрожать, что если ему не выдадут зарплату, которую он не получал почти полгода, то он будет стрелять. Эти действия были расценены как терроризм, и офицер получил срок. Но на этот поступок его толкнула крайняя нужда: ему нечем было кормить семью. Подобных этому случаев множество. В каждом из них определяется мера виновности совершившего уголовно наказуемое деяние и следует наказание. Ибо есть закон, в котором расписано, кому за что сколько положено.

Но вот под предводительством верховного правителя его «команда» за восемь лет развалила огромную и сильную державу, нанеся ей ущерб больший, чем в ходе Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Чья в том вина? Говорят, нет в этом ничьей вины. Ибо «хотели как

лучше...» По моим понятиям, в течение почти всех этих лет в России со стороны власти, государства осуществлялся идеологический и административный террор. А на взгляд «сверху», все происшедшее со страной — неизбежные издержки, цена реформ, следствие ошибок в политике, которые также неизбежны. И даже если признать происшедшее государственным террором, который имеет всеобщее значение, то все равно его надо понимать как социально-политический фактор действительности. В то время как терроризм считается явлением уголовно-правового свойства, хотя его последствия имеют узкоместное значение. Разве сравнить последствия двух актов: офицер на танке у городской управы и расстрел российского парламента в Белом доме по приказу главы государства? Расстрел парламента был актом самого настоящего террора. Можно сказать, внутреннего характера. А я бы сказал, что это был теракт международного значения, что не трудно доказать. Кто виноват? Кто наказан? Никто. На этот счет никаких законов нет. Там, где господствует сила, право заканчивается. Так было и есть. Но должно ли так быть? Может ли это продолжаться бесконечно?

Перейдем к международному масштабу терроризма в чистом виде. Выше было показано, что США и их союзники с помощью созданного ими организационного механизма, включающего не только правительства развитых стран, но и сеть международных финансовых, экономических и военно-политических структур (МВФ, МБ, ВТО, НАТО и т. п.), а также новые средства ведения необъявленной войны нового типа (в частности, глобализации), осуществляют международный террор, жертвами которого становятся целые страны с их экономиками, культурой, населением. Возникает ли вопрос о вине за последствия таких действий? У многих. Но не у тех, кто осуществляет террор.

Можно ли употреблять выражения «государство-террорист», «государство-вор», «государство-убийца», «государство-преступник»? Говорят, только в качестве эпитета, литературного образа, но никак не в научном, тем более правовом смысле. Наверное, это и в самом деле так. Как может государство — сложнейшая по своему устройству организация, которую обслуживают миллионы чиновников различных рангов, — угонять самолеты, взрывать здания и т. п.? Это могут делать только конкретные физические лица. Во всех этих словосочетаниях есть немалая натяжка. Но смысл в них все же есть.

Абсурдно обвинять в преступлении какой-либо народ в целом. Немецкий — за то, что Германия, Гитлер развязали Вторую мировую войну. Советский народ — за то, скажем, что были введены войска в Чехословакию. Американский — за то, что правительство США насильно устанавливает «новый мировой порядок». В правовом отношении — абсурдно. Но вот факт: согласно опросам, сегодня 92 % американцев одобряют действия Буша на международной арене. Когда не правы все, то все правы? Когда виноваты все, то не виноват никто? Когда нет вины и виноватых, то кого и за что судить?..

И все же, все же!.. Разве нельзя поставить вопрос о политической

виновности американцев? Ведь это они, свободные люди свободной страны, раз за разом избирают себе президентов, которые при всех кажущихся различиях во внешней политике гнут одну и ту же линию: «Америка — превыше всего! Америка должна лидировать и управлять миром!».

Несправедливость многого из происходящего в этом мире очевидна. Как очевидно и то, что происходит это не само собой, а делается умышленно, целенаправленно. Даже чисто юридически, с точки зрения международного права, в рамках разного рода договоров, соглашений, конвенций и т. п. обязательств, не говоря уж о нравственных ограничениях, США и их союзники должны следовать своему долгу, исполнять свои договоры и обязательства. Они же по своему произволу, когда хотят, нарушают, а то и вовсе игнорируют их. Но именно в этот момент — в момент нарушения международных обязанностей и требований и возникает понятие вины и следующей за ней ответственности. Увы!.. Право, как высокая идея людей, которые хотят установить некоторые ограничения злу в своих делах и поступках, гарантируется тоже только силой. Во всяком случае, так было всегда, так есть и сейчас. Сила права попирается правом силы. Сила сегодня на стороне США и их союзников. Они сами устанавливают себе законы или объявляют законным то, что делают. Но это не есть истинное право, которое достигается не оружием, а только через переговоры и постепенное методическое продвижение к истине. Где нет истины, там нет и подлинного права, нет справедливости.

Американцы умудрились нажить себе в мире такое количество врагов, что от сознания этого, мне кажется, можно прийти в ужас. От каждого американца так и пышет самодовольством, чувством превосходства. Порой кажется, что на лице у многих написано: «Я — Америка!». Американский образ жизни породил удивительный феномен, граждане этой страны стали слишком ее идеализировать, обожествлять. Конечно, невозможно говорить о народе как о монолите, как о чем-то целом, ибо он делится на единицы — индивидов, личностей, тем не менее сегодня Америка — это некая целостность: в том, что касается взгляда на Америку и ее роль в мире, сознание и чувства американцев сливаются почти воедино. Американцы, как когда-то советские люди, чрезвычайно, чрезмерно патриотичны. С одной стороны, это хорошо. Патриотизм — это сила. Но если Америка в своей политике ошибается, если она творит международный террор, а американцы этого не понимают или, хуже того, не желают понимать, это их ошибка, а ошибка — это вина. И тогда встает вопрос о чем-то вроде моральной коллективной ответственности.

К чему я клоню?

Чтобы вершить суд с точки зрения своих представлений о международном праве, Запад и прежде всего США сделали все, чтобы создать и создали Международный трибунал, который размещен в Гааге.

Не пора ли подумать о том, чтобы теперь создать мирской

(общественный) Международный независимый трибунал, в котором рассматривались бы вопросы не юридического, а политического, морального, метафизического плана? Это мог бы быть суд совсем необычный, ибо судьями там могли бы стать выдающиеся умы и нравственные авторитеты различных стран; ибо там рассматривались бы совсем необычные «дела», по поводу которых с точки зрения права сегодня невозможно сказать ничего (взять тот же международный террор в различных его направлениях и формах); ибо это были бы совсем необычные судебные решения и «приговоры» в форме книг, фильмов, спектаклей и т. п.

Почему бы с такой инициативой не выступить России? Почему бы этот Трибунал не расположить в Москве? Это логично не только по существу: Россия — одна из самых миролюбивых стран, а русские — один из самых миролюбивых народов мира. Это оправданно и исторически. Ведь прежде чем идеологию ненасилия стал обосновывать Ганди, прежде чем под опекой Ф.Майора родился проект ЮНЕСКО «За культуру мира и демократии», была первая в истории человечества идея русского царя Николая II, который в конце XIX века обратился к странам и народам с призывом решать конфликты ненасильственными методами, созвать первую в истории Международную мирную конференцию. В мае 1999 года повсеместно отмечалось 100-летие Гаагского призыва к миру. Исторические инициативы России остались в тени. В частности, и предложение Николая II создать постоянно действующий орган по предотвращению войны и мирного урегулирования конфликтов. России гораздо выгоднее напомнить о себе именно в этом плане, чем ввязываться в бесперспективную войну с международным терроризмом на стороне США, ибо эта борьба рано или поздно упрется в саму Америку как главный источник этого зла.

Главный смысл всего проекта по созданию Международного независимого трибунала — очищение человечества от груза старых мифов, фобий, подходов и методов в разрешении конфликтов разного масштаба и разных уровней, постепенное изжитие «культуры» войны и насилия всех форм с целью замены их культурой мира. Этот момент не наступит сам собой, если этому не поспособствовать. Уяснение вины и ответственности за все случившееся и происходящее с человечеством есть в то же время и уяснение путей построения новой жизни. Это помогло бы человечеству обрести надежду на лучший исход той конфликтной и опасной ситуации, которая сложилась в современном мире.

[1] Поданным спецслужб, международный терроризм за период 1988-1993 гг. характеризуется следующими показателями (первая цифра — количество терактов, вторая — число пострадавших): Африка -175 и 758; Азия — 410 и 1172; Евразия (подразумевается территория бывшего СССР) — 22 и 10; Латинская Америка — 915 и 769; Ближний Восток — 513 и 783; Северная Америка — 10 и 1008; Западная Европа

— 818 и 806 (См.: Закон и право. 1999. № 12. С. 7).

[2] Власть. 2000. № 1. С. 48.

[3] Словарь иностранных слов. 10-е изд. М., 1983. С. 494.

[4] Новая философская энциклопедия. М., 2001. С. 56.

[5] Цит. по: Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. М., 2000. С. 11.

[6] См.. Светов Б., Тарин О. Международный терроризм и ЦРУ. М., 1981. С. 8-10.

[7] Final Report of the Select Committee to Study Government — all Operations with respect to Intelligence Activities. U.S. Senate. Book 1. Washington, 1976. P. 512.

[8] Здесь и далее выдержки из книг Г.Раушнинга цит. по: Исламский фюрер // Известия. 2001. 19 ноября. С. 6.

[9] Сорос Д. Кризис мирового капитализма. М., 1999. С. 19.

[10] Российская газета. 2001. 17 октября. С. 7.

[11] Цит. по: Америка покажет миру, на что она способна // Независимая газета. 2001. 14 ноября. С. 6.

[12] В Московской гуманитарно-социальной академии, ректором которой я имею честь быть, действует созданный при участии Ф.Майора Международный институт "Молодежь за культуру мира и демократии". Я являюсь его директором. Осенью 1999 года наш вуз провозгласил свою территорию первой на планете Земля "Территорией культуры мира", что засвидетельствовали своими подписями присутствовавшие на данной церемонии Генеральный директор ЮНЕСКО Ф. Майор и мэр г. Москвы Ю. М. Лужков

Ильинский Игорь Михайлович